

ОМЕТНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ

№ 1 ЯНВАРЬ 1967

«...мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье начать постройку советского государства, начать этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства нового класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн».

В. И. ЛЕНИН

5. «ПО ЗАГРАНИЦЕ» (1895, апрель - сентябрь)

Сознательный рабочий чувствует и сознает себя не только членом русской марксистской ячейки, — он понимает, что он является также членом международной семьи марксистов... Он ни на минуту не должен отрываться от международной армии рабочих.

В. И. ЛЕНИН

«Были ли за границей (когда, где, как долго)?» — спрашивает анкета Девятого съезда партии.

В ряде стран Западной Европы 1895... отвечает Ленин. 25 апреля 1895 года он впервые выезжает за границу. Его главная цель — установление связей с плехановской группой «Обсвобождение Труда». Намечается его ознакомление с западноевропейскими рабочим движением. Встретится с крупнейшими зарубежными марксистами. Изучит недоступную в царской России марксистскую литературу. Пусть же ступит на дорожку в Петербургском охранном отделении Владимир Ильич напишет в протоколе допроса:

Предметом зачатия Владимира Ильича была в то время прежде всего революционная марксизм. Об этом свидетельствует открывающий ленинские Философские тетради конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство или критика критического критерия».

— «маленькая книжечка, формата в восьмьюшку писчего листа», — отмечает Ленин, акцентированно необыкновенно подробно. По его оценке, Маркс в этой книге подкаст.

— от гегелевой философии и социализму переход наблюдает востановно — видно, чем уме овладеть Маркс и как он переходит к новому кругу идей.

Дед, Ленин и впервые выехал за границу «для научных занятий». Но наукой, изучающейся им, была наука революции — ее философия и история... Первыми заграничными впечатлениями Владимир Ильич делится с матерью уже 2 мая 1895 года в кратком письме из австрийского города Зальцбург.

— По «заграничню» путешествовать уме только сун и в упряжке/и в экипаже и оказался совсем шляк (слабо, понимая немца с величайшим трудом, гуща слышать, не понимая вовсе*). Присыпать и нондальс нондальс вопросы... — он отвечает; я не понимаю. Он повторяет грочне. Я все-таки не понимаю, и тот сердится и уходит. Несмотря на такое поворное быстрое, духом не падаю и довольно уверенно возвращаю немецким языку.

* Не понимаю даже самых простых слов... до того необычно их произношение, и до того они быстро говорят.

«Крестница и ее фамилия»

Следующее письмо отправлено Марии Александровне из Швейцарии 8 мая:

— Предыдущее письмо писал с дороги. Теперь уже устроился на месте... Природа здесь роскошная.

Из книги В. Яковлева «ЛЕНИН. СТРАНИЦЫ ИЗ ЕГО АРХИВА». Начало см. «Смена», 1906, №№ 21—24.

ная. Я люблю ее все время. Точнее же за той немецкой станицей, с которой я писал тебе, назвали Альпы, пошли озера, там что нельзя было оторваться от края вагонов...
В том же письме Ленин сообщает:

— Видел крестницу, и ее фамилию...
Крестница Ленина! Именно так Еше 24 октября 1893 года в метрической книге царскосельской церкви «Крестницами сына стрелкового его величества батальона» в графе «Звание, имя, отчество и фамилия восприимчивого» было обозначено «Помощник присяжного поверенного Владимир Ильич Ульянов».

В графе «Упомянутое свидетелем» сохранился и автограф:

— Ульянова...
«Ульянова» — дочь народоуловца Аполону Шухта. Сына генерала, его за революционную пропаганду — Фрица содвал и офицеров в 1887 году сослали в Сибирь. В девятнадцатых годах Владимир Ильич подружился с Шухтом в Самаре, а осенью 1893 года помог добраться до Петербурга его жене и детям. Добился Ленину и разрешения на «проезжание в Царское Село» для самого маленького сына, а вскоре стал крестным отцом младшей дочери Шухтов Анны — в будущем выдающейся скрипачки. Крамчателая судьба и друг других дочерей из «фамилии» крестницы. Старшей — Лили — Евгении — Ленину 4 декабря 1918 года дал революционный, зарезанную Автоматическому району Юри Москвина.

— Помню, — вспоминает товарища Шухт в члены партии коммунистов (большевиков).

В. Ульянов (Ленин).

Вступил в большевистскую партию с ан Аполон Шухт, а третья его дочь — Юлия — вышла замуж за коммуниста, члена ЦК Коммунистической партии Антона Гривина. Крупным специалистом по заграничному движению, институту стал и сын «крестницы» Владимира, Ильича Валерий Цибель. За устолой ленинских писем и родным востает история еще одной близкой Владимиру Ильичу семьи революционеров...

«В прекрасном далеке...»

Первые швейцарские впечатления Ленина не раз вспоминались ему и два года спустя — уже в Сибири. В апреле 1897 года Владимир Ильич пишет матери из Красноярска:

— Помню, — вспоминает Ленин, — в городе, по реке Енисею, напоминают... виды Швейцарии...

— Еще через три месяца — в июле — Ленин опинает... младшей сестры, находившейся в то время именно в Швейцарии, остринности Шувенского.

— ...гору отсюда делов верстах в 50, так что на них можно только глядеть, когда обман не забывает... — в том-то как из Женевы можно глядеть на Монблан...

Но так Ленин пишет в подцензурных письмах не содержащих, естественно, никаких сведений о главной цели его швейцарских странствий — встречах с руководителем группы «Обсвобождение Труда» — первыми пропагандистами марксизма в России. В те маяские дни 1895 года Ленин впервые встречается в Женеве с Плехановым, а в Шорхле и пригородной деревеньке Арольтерн — с Владимиром Ансельродом. Подогревается о постановке перед собой задачи об издании за границей сборника «Работник». Позднее Владимир Ильич поделяется впечатлениями от встречи со старшей сестрой. Она сообщает, что в 1895 году, вернувшись из-за границы, Ленин много рассказывал о встрече с Плехановым, сестра дала, что...

— ...то напомнил ему покойного отца.

— ...то напомнил мне, что и изданию «железа хорошие»... — но с ним чувствовалась все не некоторый ходом, а с Павлом Борисовичем совсем разные, дружеские отношения установились.

Рассказывал Владимир Ильич и о прогулках за город, о беседах с видимым удовольствием и большой теплотой...

— Сумасшедший Рассказывал Владимир Ильич о встрече с членами группы «Обсвобождение Труда» и прежде всего Плехановым. Анна Ильичевна пишет, что личные свидания запрещены семье Ленина со всей плехановской группой и, «как он сам признавался при возвращении из-за границы

— много дал ему...
— Владимир Ильич ознакомил сестру с критическими отзывами Плеханова и Ансельрода о его уже известной нам статье «Экономическое содержание народничества»...

— ...как Плеханов, так и Ансельрод нашли неопорную уместность в постановке вопроса об отношении друг к другу классов общества ставке за подписью Тулина. Оба считали, что российская социал-демократическая партия, выступая на политическую арену, не может ограничиться одной критикой всех партий, как в период своего формирования, что, становясь своей передовой политической партией, она не должна упускать из поля своего зрения ни одного оппозиционного движения, которое знаменует пробуждение общественной жизни разных различных классов и групп.

Ленин, — пишет Анна Ильичевна, — признавал правдивость этой точки зрения, и, несомненно, беседа с Плехановым и Ансельродом имела большое влияние на него... помогли ему оформить свои взгляды и усилить его выступление на широкую арену общественной жизни.

В архиве старого большевика Петра Краснова сохранились его воспоминания «Некоторые моменты моего знакомства с В. И. Лениным в Женеве». Одна из записей воспроизводит беседу с Ульяновым в гостинице, состоявшуюся, видимо, весной 1897 года в Красновом. Знает, что Краснов арестовали и выслали за сношения с Плехановым и его группой, Ленин спросил его рассказать о личных отношениях с Плехановым. Краснов подробно рассказав, в каком тельном материальном и физическом состоянии он знал Плеханова, «почти без средств как для издания марксистской литературы, так и для собственного существования», «сидевший в его организации «убежденно», с женой, которая готовилась стать врачом, но еще почти ничего не зарабатывала, с тремя дочерьми, из которых одна умерла от менингита». Он красочно описал «мелкий вид костюма Плеханова, боксиров его брюк, покорность пальтишка и цилиндр, вехиный брэнкинг и бледность лица». Но о суждениях молодого революционера воспитан в Плеханове «неутомимый революционный дух, блестящий сарказм и остроумие его бесед и выступлений», постоянная теоретическая работа в области разработки и популяризации идей марксизма, «стойкое философское отношение ко всем личным испытаниям».

Владимир Ильич внимательно выслушал рассказ Краснова, не прерывая его, но «отдельными замечаниями и полувопросами направляя разговор в нужное ему русло». Когда Краснов сообщил, что свои отношения с Плехановым он смело назвал дружескими, что они видались почти каждый день, а в свободное время Плеханова время смелого и похорок дочери он обрывает к кому-то другу, что он ни разу не помог ему всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал:

— Ну вот, как вы, конечно, знаете, теперь дела с Плехановым стоят уже иначе. Мы сделали и делаем очень много. Когда Краснов сообщил, что свои отношения с Плехановым он смело назвал дружескими, что они видались почти каждый день, а в свободное время Плеханова время смелого и похорок дочери он обрывает к кому-то другу, что он ни разу не помог ему всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал:

— Ну вот, как вы, конечно, знаете, теперь дела с Плехановым стоят уже иначе. Мы сделали и делаем очень много. Когда Краснов сообщил, что свои отношения с Плехановым он смело назвал дружескими, что они видались почти каждый день, а в свободное время Плеханова время смелого и похорок дочери он обрывает к кому-то другу, что он ни разу не помог ему всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал:

— Ну вот, как вы, конечно, знаете, теперь дела с Плехановым стоят уже иначе. Мы сделали и делаем очень много. Когда Краснов сообщил, что свои отношения с Плехановым он смело назвал дружескими, что они видались почти каждый день, а в свободное время Плеханова время смелого и похорок дочери он обрывает к кому-то другу, что он ни разу не помог ему всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал:

— Ну вот, как вы, конечно, знаете, теперь дела с Плехановым стоят уже иначе. Мы сделали и делаем очень много. Когда Краснов сообщил, что свои отношения с Плехановым он смело назвал дружескими, что они видались почти каждый день, а в свободное время Плеханова время смелого и похорок дочери он обрывает к кому-то другу, что он ни разу не помог ему всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал:

— Ну вот, как вы, конечно, знаете, теперь дела с Плехановым стоят уже иначе. Мы сделали и делаем очень много. Когда Краснов сообщил, что свои отношения с Плехановым он смело назвал дружескими, что они видались почти каждый день, а в свободное время Плеханова время смелого и похорок дочери он обрывает к кому-то другу, что он ни разу не помог ему всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал:

— Ну вот, как вы, конечно, знаете, теперь дела с Плехановым стоят уже иначе. Мы сделали и делаем очень много. Когда Краснов сообщил, что свои отношения с Плехановым он смело назвал дружескими, что они видались почти каждый день, а в свободное время Плеханова время смелого и похорок дочери он обрывает к кому-то другу, что он ни разу не помог ему всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал:

— Ну вот, как вы, конечно, знаете, теперь дела с Плехановым стоят уже иначе. Мы сделали и делаем очень много. Когда Краснов сообщил, что свои отношения с Плехановым он смело назвал дружескими, что они видались почти каждый день, а в свободное время Плеханова время смелого и похорок дочери он обрывает к кому-то другу, что он ни разу не помог ему всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал:

— Ну вот, как вы, конечно, знаете, теперь дела с Плехановым стоят уже иначе. Мы сделали и делаем очень много. Когда Краснов сообщил, что свои отношения с Плехановым он смело назвал дружескими, что они видались почти каждый день, а в свободное время Плеханова время смелого и похорок дочери он обрывает к кому-то другу, что он ни разу не помог ему всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал:

— Ну вот, как вы, конечно, знаете, теперь дела с Плехановым стоят уже иначе. Мы сделали и делаем очень много. Когда Краснов сообщил, что свои отношения с Плехановым он смело назвал дружескими, что они видались почти каждый день, а в свободное время Плеханова время смелого и похорок дочери он обрывает к кому-то другу, что он ни разу не помог ему всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал:

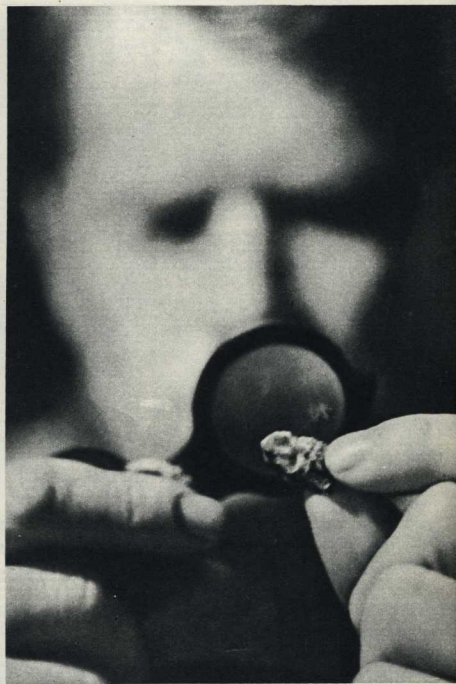
— Ну вот, как вы, конечно, знаете, теперь дела с Плехановым стоят уже иначе. Мы сделали и делаем очень много. Когда Краснов сообщил, что свои отношения с Плехановым он смело назвал дружескими, что они видались почти каждый день, а в свободное время Плеханова время смелого и похорок дочери он обрывает к кому-то другу, что он ни разу не помог ему всем, чем только мог, Владимир Ильич сказал:

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сороч четвертый
Выходит два раза в месяц
1 [951]
ЯНВАРЬ 1967

АЛМАЗЫ АЙХАЛА

Т. ИЛАТОВСКАЯ

Фото А. ЛЕХМУСА

За окном идет снег. Таной же легкий, колючий снег садится сейчас на трапезном разломе у Айхала. Только там мороз под шестьдесят и морозное плоскогорье тускло светится от пролитанного луной тумана. Айхал в эти дни именинник, ему исполняется семь лет. Почти столько же, сколько Славу Новичкину, сыну радиста и настрини из столовой, первенцу Айхала. Их и зовут одинаково: «айхал» по-русски — «слава».

«Зартовет сел у ирал лунн, сдвинув в ней небо гармошкой. Мы перешли яброд прозрачному речну Соисолох, и главный геолог Амазинской экспедиции сизалл: — Все там, на склонах, Инварсия».

Тогда эту алмазную трубку у Полярного круга еще не называли Айхал. Да и славы в общем-то у нее не было. Соты геологи уже знали, какое чудо лежит под цветистым яглем на склонах горы.

Я сунула сапог под млкний мшаный покров и вытянула его весь голубой, как июльское небо, извавшие на нас итучий полярный зной, Кимберлит, алмазы и руды.

— Этот шурф дал мнску алмазов, — похвастился длинноногий молдатор.

Вокруг была непуганая тишь, шагн тонгли в красно-желто-белой шуре мха, утынанной реденини, хилыми лиственницами. В голубых шурфах стояла ледяная вода. Пусто. Дино, только внизу, у Соисолоха, шесть-семь палаток 213-й геологической партии. То ли небо здесь было непринично низкое, то ли мертвой тишиной насто равнивала тайга, но все время чувствовалось мало нас, очень мало и все далеко — и люди и дом.

— А это знаменитый шестой шурф, точнее, тридцать первый, с него началось...

Айхал начинался, конечно, не с шурфа. Он начинался в те осенние дни пятьдесят пятого года, когда молодой геолог Владимир Иззаров вывел свою 213-ю партию на правые притоки Аландита. Он пошел по ним в сентябре, когда все партии уже вернулись из тайги в Норду и реки покосились шугой. В этом изнурительном маршруте, до сих пор реновном Алмазном Иззаров не встретил ни одного намед на алмазы. И все-таки он был уверен, что там, в глубине Обленессо-Мархинского водораздела, идет гигантский разлом, сиворь который когдато из магматного нутра земли вырвались исполнинские голубые смирини и застыли алмазной Рудой.

Два лета не принесли ничего. На третье в перегруженных диабазовой ирошной пробках, шихлах, мельничула маленькая кельяльа — пироп. Это было у ручья Веселого.

Проба из нового шурфа. Начальника Айхальской поисковой партии В. П. Васильева интересует, есть ли в породе спутники алмазов. Проба обещанная!

По зимней заезженной тундре.

Искатели алмазов разбивают лагерь у сажмо Полярного круга.

Пиробы следуют за алмазами, как рыбки-прилипалы за ангулами. Есть пиробы — иши трубу. Длинными дашьпе по Аланиту — пиробы пропали. Значит, именно Велаян гуэто изымает трубу. Ее отыскали на третий день и назвали самоходной «Иначальной-213» действительно повозо. Ее лето или вправил в тайгу абыль нуст имберитовых трубок «Мосичична», «Друиба», «Исиора». Но алмазы трубки не баювали. Очевидно, центр взрыва был где-то неподалеку от здесь.

Партисла скаса «Юности», совсем маленькая трубочка без алмазов, вымывалась вуду Ивене Черному во всей своей имберитовой голубизне. Она вернула Изарову утраченную нить бытия. Эта нить вела и Сонюху, где только что прошла диве партии. Изаров потребовал ревизию. Ему отказали. Тогда этот человек, человек с доверчивым, застенчивым взглядом, поднялся на дашьпе. Он ботурахов назвал всех доладными заласками. И ревизию разрешили.

В тот сезон 213-я не вышла из тайги. Однажды в маленький баюк на Черном рывуе, где стояла часть партии, изор привез прораба Афанасьева заласку от Изарова: «Возьмите горнопроходчика...» Это значило, надо бить шурфы, это значило, что в пробе, влетой осенью с Илменитового, найдены наконец алмазы.

Через двое сутон Афанасев, Руванишинок и еще несильно рабочих разбили палатку на заснеженном склоне горы Илменитовой. Где-то под слоем снега и вкся умиралась меланная трубка.

Снолотили крохотную азбенку — мышь шамки. Горной водой промывали в лотках мерзлые тяжелые комья.

Минул Новый год. Но алмазов не было, имберитовый томе. Мороз стоял сарепий — минус пятьдесят шест. Снеговая пустыня — мин дучин, ни огонья. Оборачивая руны и щель, обвалился потом, пробили лить шурфов. Даже слушники алмазных не встретили. Афанасев решил уже менять линию, когда в палатку ворвался Володька Улишино, горнопроходчик, и завалил «Имберит!» Тр 16 января 1960 года в шестом шурфе показались алмазные руда. Добычу назвали «Январской». Тогда еще никто не знал, что в тот день родился рудник, редкостью, сказочно богатый. Это стало ясно только в феврале, когда в пробе оказались три крупных алмаза.

Я ходила с извращенно ребятами мыть шлам, на Среднеилменитовом. А потом, отменяясь после маршрута в тайгой собачьим мешке, слышала, как Изаров заводил унтергору и «Ибарен», и пыталась представить пятилетний путь по пригнотам Овенына и Маржи, привезший и Айхаку. Снегов, открутую диврду палатки видна была тонкая площадка, на которой два «С-100», синие от дыма, тизуны из болота веждех. За Сонсолотом шла редкая тайга и волни-

стая наивна гор — наверное, у самого Полярного круга.

Эти горады просторы, тучи, чинавшие по самым верхушкам листенных, говорили, что «вертлет опать не придетит и что затряб, возможно, уже пойдет снег, и тогда вертлетка не будет месить, а может, и два.

«Ровно через год я вернулась на Айхаку куче труб для алмазной фабрики. Вышла и долго не могла сообщить, куда идти. На диабазовом оребье работала фабрика. А нима, далеко отбросиве тайгу, раскинулся рудник, от которого, рыча, отползали машины. Стучали буровые стамны шушела, извлекла алмазы, вода в фабричном чаше, то и дело стронготали новенные вертлеты, примерная, куда бы сеть: ревлали нагруженные имберитом «Алазы», шумели люди в «ингулативозном» посыле.

«Новый богатейший рудник Айхал в шестистах километрах к северу от Мирного доскорно выполни годовой план», — сообщали газеты. Айхал уже выносил свой весомый вклад в мировую добычу алмазов.

По положому силону взбегали свежерубленные сосиски в конюшней резьбе. Поселил притонировал Володя Корнилов, которого и опоздала увидеть. Он погиб в озере Оймор за два месяца до моего прилета. Володя, 24-летний москвич, был первым архитектором Айхака.

Добрый, талантливый человек, он ментал полнорно алмазграде из бетона и стекла.

Шесть лет назад «Смена» напечатала очерк: «Будет город на Айхале». Города еще минаного не было, поселок только зарождался. Но мы все верили, что мечта Володы осуществится. Сейчас принят проект Володских друзей, по которому на Айхале построят чудогород под одной крышей: «Ирассиловый фантаста». В нем будет восемь девятэтажных корпусов, чутьно апсанских в суровые айкальские склоны, кинотеатр, магазин, ресторан. Изличные переходы соединят все здания между собой.

Айхаку исполняется семь лет. Стремительность его роста — мера его сокровищ. Айхальский горняк скоро будет тепло и удобно. Но они никогда не забудут о тех, кому вновь и вновь придется перенять и пронизательную лютость якутской зимы и изурничную таежную мору, илистичную мушосу. Айхальцы помнят о геологах, кто ищут на пустынных плоскогорьях новую линию алмазограда — новые трубки, может, еще более щедрый, чем Айхако.

Макет нового Айхака.

Римма КАЗАКОВА

Лесные стихи

Вспомнина лесные пали — и по сердцу стучат топоры.

Лес — как жизнь, крепостовен и свеж.

Лес — затяжке мое и лютен. Я люблю вас, как сына, леса. Я мальчишки лесные глаза.

С малахитовой, зеленевой, среднерусскою хитревой.

Городская ушла дребедень. Как лесничество, тянется день.

И в лесях — в этой летней суши — ни поянники, как ни души.

Прячу спички. Опасно, как шок. Это хуше убийства — поджок.

Знаю кровью — так знают врага, — как, мечась, выгорает тайга.

Я вас буду беречь, как дитя, пастушонком треву дудя.

Тыму листов и иглок сменя, положиште, лес, на мена.

Лес мой, донор, и я — из ветвей с хлорофилловой сутью твоей.

Вся — к звездам я. Так и ней природы, многопаро приплала соня.

Скачут белки, орешки луща... Чистый лес! Ни злен, ни клеца.

Ель макушка уперя в звезду... Угро. Лесом, как жизнью, нду.

2

Я буду жить восою — как прет весной вода, как опичка в лесу, как в небе провозду.

как птица, ноткой забюно на проводе виса... Оно выветт авско. но я еще не вса!

И пусть по всем ладям пройдет моею по-всюному, но я не дам, не дам, не дам себе исхвануть!

И медленно, с колен, от утра голубая, я воду, как оленя, из речки поклебаю.

Я запелосо за плечи осми незламентах. Я знаю, как ты летчиша, лесная земляничка.

Я столько узмаю, тобою, лес, спеленная, что стану я лесная, как поничка зеленая.

Глаза мои — с хрусталинкой От звезд и вод, весной. А кровь моя — с русалинкой, с зеленничкой лесной.

Не бездулку, не реликвию,
с которой вскоре устану,
я создаю себе религию,
когда стихи я создаю.

Не то что я религиозна,
не то эта праведная злость
на то безбожие стержневое,
которого поразилось...

Когда мы растоптали боженью,
казалось правильным топтать.
Но, как абстрактному художнику,
взамен нам трудно что-то дать!

О, эти сущности исконые,
и шар, и куб, и кусок грязь...
Не лучше ли руки те иконные
рублевские, рублевских глаз!

Все человек чего-то мечется,
старухи в церковь прут,
а нам —
Как нам вовек не онемечиться,
так не поверить в божий храм!

Но все ли ты в себе открыл уже!
Но все ли покая ты уже!
Прилепляет сердце крыльшки
к твоей неверящей душе.

И умираем мы, безбожники,
в мученьях корчась на костре,
не как холодные саможники,
а как Христос на том кресте.

И верю неутоленному,
неутоленному пока,
в слепом порыве, как влюбленные,
малюю липу из пеняка...

И то дарам, то веригам
отгоражив и гордясь,
все нищем мы свою религию,
в неверующие не годясь.

Моя религия, поэзия,
моление — до искр из глаз!
Все пальцы у меня порезаны
о рифм, о фрезы фраз.

Пускай мала моя религия,
она не бред и не вранье,
что есть смешные и великие
попы и папы у нее.

Пускай мала моя религия,
но все же каждому близка,
как та сиделочка близкая,
что лед менает у виска.

И хоть порой сама не ведаю,
сама не знаю, что творю,
как раньше говорили: «Верую!»
так с вами, люди, говорю...

Электричество

Любовь, Ее Величество,
строга, но больно балует...
И бродит электричество
матроском по палубе.

Те шарни, которые —
о боже, что же станется! —
вводили, катадами,
искря, друг к другу тянулись...

Порой полночной, чуточку,
гой, чертовщиной самою,
в кожной собой чувствую:
из фосфора глаза мои.

Как брошено ребенок я.
Из ночи что-то кличется...
Мечусь
и под гребенною
трещу от электричества!

Кончатся элгики.
К развязке врывающая шкит.

О, дайте мне электрика,
да чтоб не напортечки!

Мы как исцаря чертвы
в ладонях будней ватных.

Мы электроды, черные
От сил высоковольтных!

Мы по таконку счету
считываем все, что даже
и от сапожных щеток
до неба пламя плашет!

Довольно полумер нам,
довольно полуватта!
Вторгаюсь к полимерам,
у физики учусь.

Дуреха я, отличница,
Ничем меня не выключит!
Бушует электричество.
Рублиника не выключит...

Спасибо всем, кто учил,
хотя учиться — несладко,
на лбу опасная складка,
на пальцах — сыплют чернила.
Спасибо всем, кто толкал,
пусть грубо — лишь бы толкали! —
и я такая, такая,
какой ты сам толкал.
А я прилепкой была —
училась честно и страстно,
училась — так ли уж странно,
училась даже Багда.
Спасибо стране,
где неучены не любят,
где очень мудрые люди
задумались обо мне,
где вразумляли меня.
Жилось не гладко, не жарко,
но распрямлялся сиемнина
в ладони, таби не ханка.
Но оголялся огонь,
и обнажалась растенья,
и мир — бесстрашно раздетый,
и день — безгрешно нагой.
Я знаю самую соль,
во мне горит, как знамение,
и знание и сомнение —
невывисшено росой.

А где-то на площадях
темны, как при Торлемаде,
жить люди мигут на бумаге.
А нас они пощадят!
И, словно хрупкий бокал,
благоговейно и тихо
вдали от площадки дикой
берет мой мальчик букварь.
Букварь, ты нынче курок,
урок ракетного дела.

А я б. признаться, хотела,
чтоб был ты просто урок.
Спасибо всем, кто учил,
самозабвенно учившим,
как от болезней лечившим,
живым и тем, кто почил.
За то, что я не хочу
быть ревом в стаде мычащем,
куда-то чащам мчащем, —
за то, что сына учу.

Слова

Ты мне прости мое молчание.
Я помолчу, я помолчу,
чтоб стало просто — как
мычание,
когда сказать я захочу.

Ах, знаю я, как бабам весело,
как хороши они с утра,
когда звучит коровья песенка
в хлеву, во глубине двора.

Но принимаю строчки репьями,
и слов так много в языке!
А я хочу, чтоб были — стельками,
как на коровьем языке.

Не самые на свете прочные,
не те, что брошишь нль нежны,
а только самые молочные, —
такие мне слова нужны.

Сумею ли найти подобные!
Ведь не слова и не слова...
Тыну — телемон — из подвойника
парные, теплые слова.

Девочка ошиблась. Что ж, бывает...
Мать орет, почти что убивает.

У отца угроза на лице —
дунает об это о м подлеще.

Брат молчит. Он сам свою подружку
водит на свидания под ручку.

Это романтично, как охота!
А жениться что-то неохота...

Девочка в подушку утынается,
белая полочечка утырается.

Маесть за свой порыв рисовый,
думает нелегкое, свое:

что не будет, как у Терешовой,
знаменитой свадьбы у нее...

Но вот ночка — всех лекарств
бесценная —
падает, как занавес на сцене.

И восходит звездочка полярная,
как звезда экрана популярная.

И слезают белые сиемонки,
белые безстрашные смешинки.

И своей короткой жизнью смелой
меряет вещи настоящей мерой.

Хоть болит сердечко от ошбок,
как болит коленки от ушибов.

Девочка усни, не беспокоясь,
потому что без пылинки совести.

Потому что так себя поставишь:
под Россию плечики подставишь,

и полезешь в пелло на пожар,
и приваешь себе опасный вирус...

Так что все плохие мысли выбрось,
чтобы спать они не помешали!

Снег идет. Он падать не боится,
не боится таять на снеке.

Девочка заснула в уголке,
как зима, свежа и белочка.

Снег летит. Он чистый и хороший,
жизни естество и существо.

И мигно из нас не отторжено
от беды, от счастья, от него.

1917-1967

Особенное чувство охватывает человека, взглянувшего сейчас на эти старые фотографии.

Первый подъем советского стратостата почти на два десятка километров. Нашему молодому современнику, искусенному славными космическими завоеваниями, восторг по поводу этих километров может показаться наивным. Этот подвиг ученых, рабочих, первых стратонавтов послужил одной из стартовых площадок взлета в космос.

Первые домы Магнитки. Днепрогэс... Да, тогда многое было первым: первый блюминг, первый шахтерский рекорд, первый съезд писателей... Этим окрашивалась эпоха, героический полувековой юбилей которой мы торжественно отмечаем в нынешнем году.

Из номера в номер «Смена» будет публиковаться старые фотоснимки, вырвавшие мгновения полувековой жизни страны, фрагменты ежедневного и ежечасного подвига всего нашего народа.

— Отдать gondolu! — промолвил над полем.

Георгий Прокофьев — командир стратостата «СССР».

Товарищи В. В. Куйбышев и А. А. Жданов заходятся с устройством кабины стратостата.

Лев КАССИЛЬ

Фото И. ШАГИНА

Втром 30 сентября 1933 года я стоял на московском аэродроме у готового встать покинуть землю советского стратостата — великой Цюльовского.

— Пусть сначала стратостроитель завойет! — говорил он мне год назад, — это будет первый и важнейший шаг по пути человечества во всеобщую. В стратострою нам нужной. Две недели, предшествовавшие старту, мы писали и журналисты, просиживали часами у gondoli. Она лежала на изысканной будничной земле, как чужеродное, уже постороннее для нее тело. Она должна была лететь, черт возьми! Но погода принимала ее к земле. Руководители полета терпеливо ждали соответствующей атмосферной обстановки.

А что, спрашивается, могли подлетать с проливной погодой мы, глупые работники тропосферы, обитатели нижних, приподнятых слоев воздушного океана? Проклятая погода!

Ночь на 30 сентября открыла нам наконец все свои союзы. Мочной туман стелился над землей, но небо было чисто, предвещая прекрасный день, удачный старт.

На аэродроме немедленно началась подготовка к старту.

Газ давали из больших резиновых газгольдеров. Два небольших воздушных шара с подвешенными самонадувающимися, на которых сидело по человеку, двигались в воздухе вокруг исподлистой, ставшей уже бомбообразной, оболочки стратостата. Шары витали над стратостатом, походили вокруг него, скользя на привязи вдоль его боков, и слышно было, как терлись друг о друга упругие шелковистые оболочки. В синеватом рассветном небе, в заметных хвостах прожекторов вращались летучие шары, осенялись крохотные фигурки людей. Где-то внизу, в нарастающем тумане, неслышно вылетая из недр земли какими-то титаническими силами, похорожа на громадный протуберанец, ударились в небо и заставили... Это было зрелище захватывающее, почти космическое величия.

Отпущенная с длиной стропов, оболочка стратостата выслылась больше чем на 75 метров. Она была так непомерно высока, что верхушка и человек в шару на ней осветились солнцем задолго до того, как первый луч света коснулся нас, стоявших на поле внизу. Туман сползал с небослона, и в великолепном ясном утре стратостат возник над зеленым полем, несомненно громадным, пунцовым, похожий на сказочной величины воссоздательный знак, в точности которого историк легко уменьшил трие людей. Красная звезда и буквы «СССР» и «ЦСЭ» горели на латуновой сферической поверхности, как еще ни разу не поднимавшиеся человек.

Командир идет в gondolu. Он нмет на ходу руни, прощася. Нужны минорпарты. Красноармейцы с трудом удерживают в руках товарищу, удерживая равнение стратостата. Опломбированные метеорологические приборы на gondole.

Вынимайте! Полная тишина на старте!
— Провожающие, выходи! — шутит кто-то из командир.

Лиды, оставшиеся иреления стропов gondoli, сосочники на земле.

Внутри освещены трое: Прокофьев, Годунов, Виринбай. Трое совет-

ских людей, трое представителей человечества, летящих в неведомое, может быть, три атланта нашей эры, которым суждено своими плечами поднять небо повыше.

Была тишина. Воздух, ирелный воздух земной поверхности билася внутри gondoli. Там, наверху, в случае, если полет затянется, каждый кубометр воздуха будет дорог, как дорог глоток пресной воды среди океана солоной.

Была тишина, такая бывает перед началом большого, серьезного научного опыта.

Вдруг мы почувствовали себя в центре огромного мира. Мир след за этими тремя людьми, иждял и надеялся.

Как у Гоголя: «Вдруг стало видно далеко, но все концы светящий. Слово «история», нимем не произнесенное, подслушал в себе каждый, родным, их было страшно отпустить. Они, живые, теплые, иждят сейчас в ледяные высоты, наши товарищи по работе, наши братья по Земле.

— Отдать gondolu! — промолвил над полем.

Красноармейцы разом отпустили... И стратостат тотчас билася, плавно, неукомительно пошел вверх.

— В полет! — ирнул командир страта.

Ура! Он улетел, улетел, он ушел вверх, весь серебряный, легкий, но непрелмно сполонный и напористый.

Великолепное небо принимало его.

— Какой это был необыкновенный день — 30 сентября 1933 года. Один из тех дней, которые входят преданием в века.

Мы возвращались в город с аэродромом. В Москве все стояли, задрывали головы. Высовывались из окон кондукторы автобусов, протуркившие машины, глядели в небо шоферы. Стояли пешеходы на тротуарах, дети, прыгали на асфальте, кричали:

Трататат летит! Трататат!.

Москва жила в этот день на улицах. Нельзя было усидеть в комнате. Невозможно было отвести глаз от свершения серебряной И отдула, с высоты, на которой никогда еще не была ни одна живая душа, звучала на весь мир ошеломляющая весть:

Мы — люди! Ало! Говорит Марс, говорит Марс! Вот какие познанные земля себе стратостат! Мы дошли до высоты 19 километров... Потолок!

Мы достигли потолка! Сейчас пойдём на посадку. Передайте наш рапорт с высоты 19 километров.

В этот день не один я думал о Цюльовском. Его имя беспрерывно повторялось в разговорках, хотя он не был нам будто бы прямым участником сегодняшнего полета, на несколько километров поднявшего петлю познываемого мира.

19 километров! Мировой рекорд!

И первым, кто устремил туда, вверх, полет своего гения, был Цюльовский.

А Цюльовскому сообщали? — интересовались люди в тот день. — Вот обрадуются старина.

В восемь вечера мне прочитали по телефону только что полученную из Москвы телеграмму: «Вы родити захлопал в ладони. Ура, СССР!» И. Цюльовский».

Волга моя, Волга, смей мой голубой, видишь ли ты — вот я, весь перед тобой*

«Канкилярная повесть» Василия Баранникова — это дневник молодого человека нашего времени, с юных лет ощутившего ответственность за судьбу своего поколения. Василий Баранников пытается разобраться в сложностях окружающего мира. Он ищет в искусстве, в поэзии. И многое находит. Проще всего радость бытия, жажда каждой крошечки работы, крашки русской земли, краешек ее дорог, рек, древних и молодых горюхов...

Беспорно, «Канкилярная повесть» написана человеком одаренным, остро и тонко чувствующим слово. Василий Баранников, двадцатидвухлетний студент Московского института зоологии и сартоврафии, уже был не только инженером, но и писателем. Он в литературе он думал эстетично, она была его опорой, основой его нравственного здоровья. Гражданская зыбьля Василия Баранникова в Сибири, в геологической экспедиции, помешала осуществлению его мечты. И отплыл у нас талантливый человек. Надежного друга.

Школьные друзья и однокурсники Василия принесли к нам в редакцию его тетради. Дневники. Письма. Наброски стихов. И «Канкилярную повесть» — самую зрелую вещь Василия Баранникова. Многим она запомнится как исповедь чистого и юного сердца.

Москва. Ярославский вокзал. Сентябрь, и капец поездом. Мы идем вдоль перрона. У нас на дощках: рюкзаки, телегробья и сорок лет — по двадцать на каждого. А куда мы поведем? У Олега под Читу работает транслятором соседняя выпускница нашего МИНИПАНКа. Студенческие канкилы она пригласила к себе. Что ж. Чита так Чита. «Корабли плывут в Константинополь, поезда уходят на Читу...»

Машинисты

С полчаса тишито улаживаем багажный владивостокского поезда «подрубить нас хотя бы до Кирова». Он растерянно отмахивается ладошками и все суетится подле чемоданов и ящиков. Поезд уходит. Мы проводили самых своих. Грустно...

Идем на Комсомольскую площадь, покупаем два мажика батона, и почему-то становится легче. На ступенках лестницы разворачиваем дожматую, выданную вилы карту, и в глаза бросается синяя река Волга. Послушай, а ты когда-нибудь плыл по Волге? Помнишь: «и вдруг ни поля, ни дуга, ни леса, а только вода и вода...» И хочется мне невиданного и голубого спокойствия.

У перрона ждет отправление поезд «Москва — Ярославль». Чудесно быстро договориваемся с машинистами, и вот, не вера себе, вчмя в кабине электровоза. Глазек по сторонам, рассказываем о студенчестве, о тонографии, о внезапном стремлении к Волге. С просроченных путей толкание разговор быстро и плавно переходит на железнодорожные рельсы. Виктор — помощник машиниста — душевно поясняет новейшую технику. Управление почти автоматизировано. Человек лишь для контроля. «Но кататься в автоматическом электровозе я вам, мальчишки, не советую». Но мальчишки плохо воспринимают советы.

Переполняет чувство радости и быстроты. Свобода. Давайте читать, как вода, болотца, и как леса, свободно и раскованно... И вот и чучу, словно лечу. За окном светофоры и дождь. Светофоры мерцают зелеными искорками в капельках на ветровом стекле. Олег несколько раз видит желтый свет, перебогающих синие рельсы. Мне бы тоже ласку увидеть. Я долго смотрю, но все вижу столбы и леса, леса и столбы. «Но Смоленской дороге — леса, леса, леса, по Смоленской дороге — столбы гудят, гудят, над Смолен-

ской дорогой, как твои глаза, две холодных звезды голубым огнем горят...»

Словно разглядел в моих глазах мелодию, машинисты заедают. Песни они отгоняют силой: пот, есть пот, и хочется спать. Вот арка из «Аскольдовой могилы». Я и не знал, что это из той самой «Могилы», музыка Верстовского. По машинистам знаю, что они поют. Интересно: они еще сами молоды, но нас называют «мальчишками». Это приятно и незлобно.

— Вы, конечно, слышали, мальчишка, песню «Глубоу»? Искани автора этой песни и, говорят, нашли. Но это смешно, мальчишки. В песне добрая суть кулетьки и, наверное, столько же авторов. Когда я учился в техникуме, мы тоже ходили в поход и сочинили свой кулет. И там были слова: «Мы грустят не смеи километрах в сорока от цели». Это было лет восемь назад. А позачер в метро каинте-то детинши с рюкзаками мурлыкали наш кулет. И это хорошо, мальчишка...

И машинисты опять поют. Иногда они даже начинают кричать: это слишком близко подступают сон, и организм протряхивает ему, неестественно возбуждаясь. Машинисты не должны спать: «Людей всемир!», — мы с Олегом поменьше дремлем. Правда, после часа ночи сонливость проходит, но разговор прыгает, словно баркас в непогоду — с волны на волну. Речка Нерца — дача Шалиных... Загорела лавра — помы играют в футбол... Жена машиниста пошла в декретный... Пара забавных анекдотов. Мы больше молчим.

— А вы, мальчишки, счастливые: студенты, канкильды... Как в детстве. Знаете, самая любимая книжка у меня была «Три мушкетера». Я открывал ее где-нибудь в середине и читал до конца, а потом с начала до того места, откуда начал читать.

А я зачитывался «Айболитом». Не Чуковский, а другого писателя, там, где Бармадей. Помнил все слово в слово...

Они улыбаются далекоку, ушедшему в сказку времени. Другое времена, другие птицы, другие песни. Прядет пора, и плещут слезы слезки о машинистах. В Кинешме я видел афишу кинофильма «Вода поезда машинист». Вот так, наверное, и начнется сказка будущих времен: «Вода поезда машинист...»

41 года рождения

Кажется, это Чехов заметил, что почти всегда конец я вавлю распада никому не годится, а начало его соль и солнце — в середине. Не знаю, так ли оно, но свое повествование я уже начал: уже не Москва — Ярославль...

Хорошо и завидно, когда есть друг, с которым чувствуешь себя так же покойно, как в уединении. Я и Олег внешне совсем не похожи. Он худощавый, черноволосый, под татарина, а я — невысокий, рыжий, под белорусский. Незавестно почему, кавай-то тетка на воскресном рынке опрестала нас братьями. Впрочем, не была ли та тетка мудрой: ведь мы оба родились сиротской осьюно сорок первого года. Роберт Гюльдовскиевич называет тогда войну «сороками страшными». Наше поколение, поколение «страшных лет», становится взрослым, мужает в тайге и слагает помы будущего.

На выставке ярославских художников экспонировалась работа Горчакова А. С. 1939 года рождения. Он написал флюидный Таллин. Странное сочетание типичной и рекламного города. «Здесь когда-то его обнимала жена, а теперь обнимает его тишина этих холм, как снег, вчерашний».

Но вечера всегда снимаются, просто иногда это не улавливается. В Ярославском музее маленькое левитановское полотно «На даче в сумерках». Черный, слившийся лес, темно-синие небо над домиком, а на террасе желтая валяла ламы. И все. Вот так у меня горит керосиновая лампа, и чувство счастья калит на белые листья. Счастье случается редко, почти всегда неожиданно. Неожиданно была встреча с Венечкой, «Ночная Венечка» — Константин Александрович Корovin... Фантастика. Безумный праздник красок. Мы сидели на полу музея, как перед божеством, никто улыбался и ликовала, были друг друга по плечам, сложились по залу и слова салылись прямо на пол. Так не открывай Америку, так распахивай сердца. Так вдруг понимаем свое родство со всеми людьми зеленой планеты.

Помню, в подмосковном селе я видел закат. Солнце было в чертуке, когда солдаты шли, тучу и уходило маленькими потоками вмят. Вокруг солнца извивались золотые молнии. И когда на мягкие, пыльные дороги хлынул дождь, и неожиданно поняла, как сыльно люблю тучу и людей.

Плес

«Есть минуты, когда не тревожат ровная нас жилая гроза, кто-то на плечи руки положит, кто-то ясно заглядит в глаза, и мгновенно житейское камен, словно в темную пропасть без дна, и над пропастью медленно встанет семейственной душой тишина».

Тышина покаяния людей в коридорах больницы и в перулах, османских мелким дождем. Когда идет дождь, я вспоминаю Плес.

По крутой мошной дороге не слыша подни-

* В повести много сиротских и заманчивых цитат. Автор цитирует и самого себя и других поэтов — по памяти, иногда неточно. Сохраняя стиль и манеру автора, мы не правды цитат. Повесть печатается с сокращениями. — РЕД.

макса к церкви. Она возносится над Волгой — была с лесноватыми снимками куполами. Левитая, с его большим сердцем, наверное, было трудно бродить по кладбищу в Москве. С высоты церковной горы Волга, как серый широкий ручей, и рабы от дождя и ветра, как струйки пыли. Вдоль пустынной улицы Льва Толстого идут двое. Двое, и больше ни души. Палестинский и тинька. В книге Д. Н. Толстого «Путь жизни» приведено индийское изречение: «Когда ты явился на свет, ты плакал, а кругом все радовалось. Сделай же так, чтобы, когда ты будешь покидать свет, все плакало, а ты один улыбался». Что это со мной? Откуда? Вот промокшие ноги... Скажите, пожалуйста, а где дом Левитана? Не знаете? Скажите, пожалуйста, в Пясе не помнит Левитана. Значит, надо спросить у берега: вы помните ближайшего Исаака Левитана? Или тоже не знаете? Или как там тоже с некоторым пор претят грусть?»

Противоположный берег Волги зарыл карьерами, почти такими вот желтыми, как космы берега. Но песчаные карьеры — только карьеры. «Ах, зачем в это светлое весело грязных кулачки замаз?»

Наши ноги мокрые, как трава, и плаща набухли от сырости. «Богатыри» гудят и отваливают от причала. Я долго смотрю на берег, и в сердце не печаль, а грусть. В Пясе Правозольский сад российского художника...»

Веточка

Все на этом свете
людей
Песнь любви поют
и повторяют.
С. А. Есенин.

«...Возвал Горький — Казанский. Девятидцать час ночи. Пишу тебе. Надо бы просто свалиться на лавку и на время забиться. Первые дни были фантастичны. Ты забывает о Боге, и радость того, «что наша жизнь сегодня в нашей воле». Теперь немного привыкла к странностям и начинаю емое у житейском. Испытывая личное. Хочу писать тебе. Очень устал. Мысли не выстраиваются. Где ты? С кем ты? Если на Урале, вероятно, одна, ну, а если в Москве... Почему-то горько в Горьком. Я один и жду поезда на станцию Заменин. Ждать осталось полтора часа. Олег спит. Люди спят. Я нечто вроде спорожковой обложки: все спит, один я и силю. Я люблю тебе. Если я для тебя больше, чем ничто, и не более этого, никогда, никогда не хочу тебя встретить. Я всегда был влюбленным до пресыщения к себе, но ты и люблюю. Хорошо отбродило по Волге все сентябрь и, приехав в Москву, увидеть на столе письмо, а в письме: «Вася! Милый! Кто меня еще звал так?»

Делушка по станции — молодая и ровная — застремает о мялкнопереом и, когда он слишком резко обнимает ее, радостно выкигивает. Неудобно, говорила ты, когда я обнимал и воротил была люда. Но теперь можно: все спит. И все равно неудобно. Как нигдежно все получилось. После той вечеринки у переносных и пляска домой и все повторил: «Света, Светочка, как люблю веточка». А может, ничего и не было, только сейчас мерещится? «И одиночество много вписать...»

Возвал заподозрил люда. Женщины с платками на головах, старики, так трудно и долго капающие, ожающие парни. Часа два назад через зал ожидания прошли двое: девушка и юноша. Она шла впереди шагов на пятнадцать и, сложив голову, плакала. Он брел за ней, чуть покачиваясь, словно вымывши, и его глаза мне тоже показались мокрыми. Что произошло? Неужели так все и кончилось? Я помню все время, как на пляже в Серебряном море свалила чужая женщина! А я думала, она ждала его. Не знаю, кто был и этого? Всего вернее, нет. Тебе было бы очень трудно со мной. Но это правда — о любви.

А на вокзале все больше и больше людей. Прислуся Олег. Пухлая старушка уходит его хлебом домашней выпечки. Я пишу на краю лавки, а люда сидит вплотную ко мне и, кажется, ничуть не удивляется моему писанию. Вот... Еще немного — и я сам начну орать. Ой, где ты? С кем ты? Скоро ли встретимся!..

Живи, покажуся, для всего хорошего, такого же хорошего, как и ты.

Сергач

Мы с Олегом открываем чудасную последовательность: настроение улучшается по завершении трамвая. «Побавим про все грешки, сделаем орешки... Пообедая в Арзамасе, трогнемся на Сергач и сразу же вылезем на ревизора стартового и странного железнодорожника. Минута горестной пантомимы и тщетных вопросов:

— Молодые люда, вына билет?

— Тогда документы...

— Гай?

— Ну, тогда билеты.

— Гм...

И так далее, порядком озадаченный, покидает нас. Нам везет. «Да адрастворят ревизора, олаждающие к поездам, и теплоходам, безбилетников неужели?»

Помаленьку едем. Смотрим в окошко и по сторонам. Неподдающему от нас скучает девушка. В руках томьенная книжка. На обложке горист. Олег начинает знакомство.

— Девушка, вы, случайно, не здешняя?

— Случайно, да.

— И извременно, линоперезакая?

— Как вы догадываетесь?

— Проницательность, знаете ли...

Так и знакомимся с комсомолкой Надей, мойкой делушкой из Сергача. Олег угадывает и увеличивает, кроме письма и погов, на ревизора (с отклонениями в область личного). Выясняется, что ученики — народ неотесанный, Надежде девятидцать лет, жизнь в Сергаче скучноватая, а на вярдаче не дает проходу шинятам.

Смеряется. Проезжаем реку Пьяну. Станция Пьян-Перевоз. Выхожу в тамбур. Колеса стучат. Вероятно, через всю мою жизнь так и будет стучать колеса. «И скоро я, как задолбает, среди графических линий вижу слово фантасмо-эволюционный пером, надвигу шляпку на уши, в такой вот вечер шиняи возмужу, что подластят, и выйду на перрон... На гризаных поручных холодно, но уходить не хочется. Скоро будет развал Татарей. О томик вот маленькая достустанная любовь писателя Чехварова. Танамы, Карталы, Гарталы...» И вот, прочмив сквозь овраги и горы, разговоя хочей тоску, останавливается скорый из Магнитогорск в Москву». Так и озабочивается: толстая полоска акакта, деревенский домиком с желтыми окнами, и фургончик люда, и горящий фогарчик в руке одного из них. В домике, наверное, горячий чай, маленький уют...

В последнюю почему-то погас свет, и он мчт с потугамиными окнами. Все предстает в нем микромелантом; и тоска, и любовь, и недалекое детство... Вот и закат растал. «Ты думаешь — встали в воде утонуть, а мне суровое время не терпится, суеудерживая неужели чушь, его заветы уральские степи... Голд! прохолод — несиет за месяцем, и люда, как звезды, надолго, так и с вами не вышло встретиться... судьюю, выдать, не надглагол». Мне горько сознавать, что и Сергач Чехваров погасит не удавшимся попутном, а узким мыслям: нервные двадцать лет только жизни и любви, а писать после. Так нельзя, и спионя стихами си сам докавал обратно. Причтвательства к поэзии не должен и не может жить средом.

Между тем поезд подходит к сергачскому вокзалу. Надя прости нас подождав у станции «совсем чуточку», она только сбегает домой

и принесет немного поест: «У нас в саду очаровательные яблоки». Ну так что же, будем ждать, нам по привычке.

Над Сергачом из одинокой звездочки. Правозольный «платочек» залит грязью, а в духоте вокзала чехомодом и мешков, кажется, больше, чем люда. В массу клубится язва, озабоченная очередь. Тоскаясь. Ухожу на перрон встретить свердловский поезд. Кто знает, не с этим ли поездом возвратится в Москву мой Платочек. Я иду вдоль вагонов, а серда падает итченком, словно негоднимо будет встреч, именно здесь, в Сергаче, неуютном и насмурном.

Но являюсь заведомо, и запылаю и побуждаю за поездом две девушки в красных платках и легких туфельках — прямо по шпалам, прямо по лужам. Потом остановились, обнялись и так стояли... Я не знаю, хорошо это или прискорбкой, а в Сергаче, по крайней мере, так не ридля и за таким поездом не бежал, распахнув руки.

Идем строем вдоль сергачского «Бродяг». Эта улица темная, хлопотная. Хрустит аблонами, заседая мягким хлебом, и подучиваем над провалившейся Чуждой — не имеет спать и идти тоже некуда. В Сергаче пошла что не отступили отелей. И ведет нас надежда призрачная мимо ночных садов к доме Нали. «У нас только и ла мамы, так что пойдемте смелой, путешественницей, воевничко, идем, ну, а после расквашиваем, и нам в синим легким надя голых спавечев Надийной мамы. «А за что людская неприязнительность прогоняет ночью от порога?». Что делать! Олег остается протрестись с Надежкой, а Надежко, конечно, потрохнимо вора от безгостеприимности... Минуту чернота, десерт приждает Олег. Смотрит виновато и расстроено.

— Попрошайничать?

— Да, а что теперь?

— Пошла ждаться... или устраниваться...

В двадцать три часа пятьдесят минут забираемся, минуя провинцию, на третьи полки пассажирского «Москва — Томск», и... «поватились намушки в городу Казани...»

Казань

В пять часов утра в окне поезда понавалясь «заводчики старые, и вот мы в Казани, и вот мы в Татарии». Грязные, недоспавшие, нервные до чертиков, мы не способны воспринять ничего, кроме пиши и погов. Казань какает-то туманная. Дрожащая трамвая, чужие столы и анхако, серое небо — все прегит и отражается ругательски. Скамьями усталость странствия.

Хочется спать, спать и спать...

Оставайтесь в комнате, оставьте гостинию у ВДНХ. Как на чуда, смотрим на гладкие престамии и пушистые одеяла. Случайное напоминание о доме вызывает младенческое чувство отнесенности. У меня перинт в горле. Зарывалась людом в матушку, прохладную подушку и забивалась. Как в пропасть. И, конечно, прискалась далекая Веточка. Она мне долго и нежно впушала, что все было — большая ошибка: «Вот видишь — облыло, оно закрывает солнце и начиняет светиться. Но оно укрывает. Так вдоль неба — все время иди солнцем. Можно спотреть? Я и соглашанаю, со всем примиренный...»

Приспаиваем людом, бродяжнике, бездумные, вал бибочек. Казань представляется малым радостом. Сознание того, что и вечеру не предется спешить к причалу или на вокзал, возвращает арславскую смежность восприятия. «И обретают вновь смежность восприятия, радость над лугами и палату Матисса...»

Направляемся в столовую, долго выбираем, что взять на первое, и репалем: салма как самое дешовое. Салам колечками картофельным супом. Офиантарка улабается, что только борнечот потатарски и леожиданно называет «спиванья». Становится совсем весело.

Потом гуляем по вечерней Казани... Голубая скромность реклам. В переулках проходила и ти-

шина. Торжественно и таинственно возносится в синеву черно-золотой собор. Встречная жемчужина посылает: «Собор! Собор! Возвращайся! Расстанься на Флоренции. Праславный!». И я думаю об упительной волшебности Флоренции и стихах Блока. И душою овладевает странное, лесное спокойствие. Казань «замораживает, как замораживает» — Блоку надо спуститься на снегу, посреди промолгющей крашмы, и я сам до конца раскаяться не смогу, как они хороши и красивы...

В кинотеатре смотрели «Алые паруса» с участием Вергилия. «Чужеса надо делать, чужеса делать». И звезды спускаются с неба, чтобы поправить тебя... Выходим на улицу, и Олег улыбается: «Ты не понимаешь, что «чужеса и звезды» — это относится к нам? Наши чужеса и наши звезды. И если уходишь, так хочешь уйти, смириться, что-то в наших руках, пойдем и опроренком по станку газировки...»

Поздно вечером в читальне Казанского университета я вспоминаю вестники Московского метро. Это потому, что читальня находилась под трою и запомнил подполное парство. Красную рыбку выплывает несю, покочает море, играет на гудках Салко...

...а гудак Салко-молодец тут двенадцать лет, ни одной на-подоб притчи и скорби Салко не выдал.

Сююмбеки

В Казанском кремле сложилось государство. Зашла багша Сююмбеки наповнесть к древним. Сююмбеки и старичок стоят она в лесах, «как блестящий дождь в холодном небе». Багша реставрируется. Сквозь октасти победа пробивается розовость яркости, словно в березах — грохотя рыбина. Это знаменитое животное. И. Э. Гребина, бахучая серва, отрывается снимк цветущим островом в черном зеркале роая. Живопись и поэзия, как багша Сююмбеки, в лесах ассоциаций. Мысли — это ассоциации сердца и мира. И живопись и поэзия — это путь отутубаеина воспринимать вплоть до сферматиформ, вплоть до парадоксальности цвета и формы. На эскизе Рериха к балету Стравинского «Весна священная» золотые купола холма. Они заняты солнцем. У Матисса «веселые красные люди» танцуют отпеченный танец радости вокруг зеленой планеты. «Блажен земной шар, когда он блажен на мажине мой руки» — Велимир Хлебников. В одной из своих поэм он, кажется, упоминает о багше Сююмбеки. Когда я думаю, чем мне наполнить рот жизни и возвращаюсь к Хлебникову. Часто говорю о печальном разладе жизни с действительностью. На мой взгляд, жизнь одинокого Хлебникова — одна из счастливейших, одна из тех счастливых женщин, которая далеко зашла за образы. «Слаужение муз» — настолько тонкое и суровое дело, что подчас ликование в жизни оборачивается творческим горем, а перенесение страдания приносит убыток. Это значит: став марсиане истериком, а Баг-Гот «оживает»? Смертью дороги протворившей и бел, пришел бы он к людям обетанным? Не думаю. Уходя за признание, преодолеваешь горы и развиваешь почтен на берегу неизвестной реки. И не жалко великодушного человека, и им захватывает, и им прожеле срок жизни, и сразу же почувствовалось это, так как многие истинны просто оттаплились от вас, как оттапливаются черные длинные перья из крыла ворона в свой срок, и он сидит один в утробной лесной чаще и молча ждет, когда выпустит номы».

Но есть и останется истина — о глубоком родстве всего живого. Быть может, все наша жизнь есть только жертва во имя радости далеких поколений.

Велимир Хлебников называл себя человеком, исполняющим «солнечный непот»: «Лишь золотые трупики ветров. Мецусиди один и тянется к людям. Не надо думать, не надо думать. Мы были нами, мы нами были».

В Свявские впервые за все время старинный приколото создано. Оно сложилось на релаксах и промолгало, толпило шербом. Но черна, как снова дождь. Снова вода и смачная черная грязь.

В приколотой столовой уютноительно долго жуем макароны далеко из итальянского ютуса. Тотонто. На стене обвисла вывеска с изображением ласковой девушки: «Будь осторожен, как слезинка на веке». Смутное предчувствие заблаговления. Надеваю теплые носки и делаю резкие физические упражнения. Олег листает записную книжку, о чем-то думает. Не о сергачской ли Паше...

Слухи три часа приходят поезд на Бурудулки. В поезде тепло, людно и поэтому уютно. Охватив колени руками, съезжаюсь на верхней полке и начинаю мучить себя воспоминаниями. Протя мой полки татарская чета, кажется, молодое. Они дождливо бормочут — намерения о хозяйстве, и время от времени они нетерпеливо щелкают ее, косо поглядывая в мою сторону. Что мне до них? И вижу, слушаю как лес в мысленном разговоре с Веточкой: «Ты знаешь, каждое утро, как только и спрашиваешь, я говорю тебе: «Здравствуй, Веточка!». — и вспоминаю тебе: «Васенька, здравствуй!». — и вспоминаю тебе: «Что это, не знаю. Наверное, то, что одна кажется светимомальным, для других — сокровище сокровенного. Потерял тебя в жизни, я боюсь потерять чисто душевное ощущение твоей близости. Когда я чувствую тебя рядом и знаю, что тебе нужны и моя угрюмость, и моя радость, и мой боль», — большое мне это надо. Ты можешь дышать на холод глаз твоих. «Было много у нас разных разностей, и любви, и печали, и радости... Кто-то говорил: жизнь как ладан, жидкий свет. Если только захочется, очень просто... И на горами, сермым, магистрским, за Волгою плавности волной, я помню хорошую, близкую — и только такую помню...»

Поезд трогается. Очнулись, свежеем газировку и осматриваем. Вытаскиваю вынуть в руку книгу, закрываю ее. Вспомнил, взял книгу, взял девушку. Откуда это — «ест в городе девушка, и зовут ее Лиана»? Девушка замечает мою непривычность и улыбается. Улыбается она единственно, улыбается доверчиво. Вот она идет, обхватив и садится и откинуло стоекую. Я закуриваюю ботинки. Я спускаюсь с полки. Я спрашиваю, скоро ли будут Бурудулки и не знает ли девушка, что такое Бурудулки...

Есть в Дуэские девушка, и зовут ее Асей. У девушки волосы, как починке гибкие волны, и ласковые глаза. Она немножко учит меня татарскому языку. Слушая мой татарский, забавно подтрунивает...

За окном поздний вечер и степь. И мне хочется вспомнить Мугу Давалды. «Пождала год в тихий час, дождь я глядела в твои глаза, помню, как из этих черных глаз пооявлялась светлая слеза». Это было за два-три года до Моевита. Он писал об утренней зевоте Голла, противившейся и людям рукам... Лочь Давалды тоже была Чулан...

И не вижу лица этой женщины. У ее крепкие руки с набухшими пальцами. Женщина с тизельными руками курит газетой, вымалает, и пожелавшая дождя черебот ее за ночь... «Ты Фатима, значит, солдаты вернутся домой, да ты Фатима?» «Да». «И споконно». Сморгенный старик покачивает головой, словно скорбит о чем-то... Один из моих друзей как-то рассказывал мне: «Она спрашивает, как ты думаешь, что с нами будет?» А я говорю: «Ничего, просто я сделаю тебе предложение, и будет свадьба, и будем жить, если не пойма...»

Плущие люди земли гибко по словам: «Мир и война, до побед!» — теперь «мир» и говорят: «Да будет мир». Оглянется, сколько выкут детей!

Помню, я проходила по тузильно метро на стадион «Паоцаль Свердлов». Люди шли торопили

во в молча — только стук каблуков и шарканье подошв. И вдруг атаковали ступни. Под своим туфелью они несли в щелкаха, как в мокром лесу поутру. «Только с немим птиц можно сравнить разноголосую детскую...» Мальчишки и девочки, они шли по тузильно туфельно, желтые солнышки тельняки, и даже посподил в молча по молчать. Это ничего: придет время — будет много молчать и подолгу задумываться...

Вы хорошо помните свое детство? Я вот только отращиваю, и это несмотря на то, что последние годы детства еще не отпустили... Давать приномим детство, пока оно совсем родно...»

Мне было семь лет. И было лето. Я вымодаривалась от туберкулеза, впервые помаленьку читала и слушала по радио футбольные репортажи. Когда мы двояр болели, вымодаривалась и пригласиле, что возмуж «неанальн», который пробьет Коложа, склянейный наш бомбардир. На мне была белая распашонка, и, когда я бросилась на мяч и покатылась, случилось несчастье: я распашонка нос и расползлась, рубашку аж до плеча. Я очень переживала и ожидал наказания. Но толстая тетя Пола — наша нянечка — обещала никому не рассказывать и дала мне другую рубашку...

С тех пор я и не рас болзала за улетучившим мячом — по ночи всегда неудачно — парализов и рубашке. Но всегда находилась добрая нянечка, которая успокаивала и облачала в чистую, новую рубашку.

Одна из чужестранн сердне была стиска, все прекратилось, поощрением, и подожки, и полустыки, и пышность. Затянуло — мучение. Джон Рескин заметил: «Ничто великое не может быть вымученным». Если бы все неиндустриально стало истинным, людей называли бы бодыми. Это очень переживал и ожидал наказания. Но толстая тетя Пола — наша нянечка — обещала никому не рассказывать и дала мне другую рубашку...

По дороге в Сызрань светало и снежно выпали сточки: «Будут стики, как солнце, белые, будут сточки из детства, ичальна, будут рубашки. Уплетать, несомное и колдыа звенеть обрубальным». Благодаря старинным стикам заиграли, словно мажора, словно режутку по камушкам. «Счастлив мальчик, который бежит по песку...» Вера и Кудыбашев Олег прогудку «Литературку» читай! — и прочитал шефнеровское: «Вот и кончен далекий поход, не лекарство ты пьешь из стакана, это губы твои обдает горьковатая зелье Оневан!» Именно в Кудыбашеве «Море» и «Облако» Ариша Кудыкина.

Его волнует самое белое облако, тающее на солнце. Облако встает над желтой степью, как будто жизнью встает воспоминание о юности. Мудрой и такой сказкой улетает облако в синеву... Это ты прощала, Ариша моя Родионова? Скажи, пришла ко мне в 18 лет с небажкой Кудыкина. У солнечных камней колдыбальных берегов и повстречался с детством...

Сегодня и думаю о неиндустриальном вечере далекой Невы и «постаревшей девочке», забывленной в «Украинскую ночь». Теперь нигде меня с ней не идти, и Русский музей, вероятно, давно нас забыл. И придется все повторить одному... «Канал Грибоедова», Савса-Зроби, истинта и релаксе приважила, и голову Пушкина дождь окропна, сонно рыдла от жалости...»

Может быть, михайловские сосны писал Кудыкина — кровавые закатные сосны на дымчатом синеву... Я долго смеялся, и руки мои опускаясь, и мысленно становилась губочками, прерывистым, как носе рыдания, как носе пушкинской сточки.

Кряжим

В Сызрань забрелимы в товарики, идущий на Саратов. Распакуетлар изобретения. Черный вечер. Гает-то за горлом жалды горянича года, трагическое и прекрасное. Свежесте. Селюст созвездия. Устраняемся на грязных досках и, скорчившись, дремлем. А поезд, зная себе, постукивает, постукивает да постукивает...

— Олег, ты спишь, Олег! Проснись — приехали. Далеко товарищ не пойдешь... Не знаю, какой-то Кражим...

Глубокая ночь, неожиданно теплая, тихая, пришла нас в себя. В ночи слышались сверчки. Кражим — рабочий полустогон, где устанавливаются два плавца в сутки. Станционные будки. Заброшенные. Вреден по шинам и не являем куда. Капает дождь. В освещенных окнах вешаются в ночных рубашках, без значков. Вероятно, путевские обжигатели. Далеко вагон и тот не для нас, земля же коломая, сонная реальность. Так идешь метром стол, и вдруг слышишь музыку из каб. В ночь слышались осы. Походим к порогу, перед нами какой-то земляной парен.

— Слышишь, друг, не смеяешь, где можно переночевать?...

— Переспать? Да ведь... Хоть у меня, захотье...

Неловко стоим в дверях — на кровати молодая женщина, в потопку комбинезил подвешены два зюльва.

— Ну чего стоите? Заходите, хлопим... Сонь, подай хлопим арбуза да хлеба, а то, небось, не жаримся...

Смущенно и жадно улетает первая приложающиеся арбузом. Сладкие кашки стекают по щекам, плещаются на стол. «Рубайте, хлопим, рубайте! Арбуза много. Сонь, тащи еще, что ли... И постели нам там, на матрасе».

Смущенно и деловито выдвигается — как-то ласково, трогательно — владыка — как-то ласково, и девочка слушает ласково. В комнате душно, и прямо в окно гудит огромное солнце. Рыжие солдцы! Такое тепло после холодной земли и холода!

Наскоро умявшись и враспорожившись с хозяйкой, трогается и ступает Соня. Боже мой, какая благодатная земля теплая! Юг! «Айда, Малюковский, мажь на юг, сердце рифмываю мажчь, вот и любия пришла кама, дорогой Владимир!» Ой! Одно только мучает: толк. А крупот стелет да свраги. Лишь полде Сенной — я шапкою счастье! — поля кукурузы. Стираем кожуру с тяжелых початков и жуем — ах, как мы жуем! — и кукурузный сок застывает белой слюною на теплых губах...

Волгоград

Самые фантастические ноченьки нам подарил Волгоград. Всего было три волгоградских ночи. Первую мы провели в пустынном, светом фона приключального ресторана. Вторую на причале, в маленькой фанерной камерке. На стене там гудели сачечки и тыканыеся рубльнички. Утром нас выгнали, и пришлось доспать в буфете. Зато третья ночь очаровала нас комфортабельностью — спали мы на диванах в комнате мамы и ребенка.

Воскресенье в городе было переполнено: складилось торжественное открытие Волжской ГЭС. В «Литературной газете» печатались стихи волжанки Михаила Лукомина. Город Волжский, сияющий светом будущего, как маякница глава трехдневных звезд. Ряды этих сияющих звезд надо хорошо жить. Надо жить умно и добро. Пусть молодой Волгоград никогда не узнает военных кошмаров прошлого. Пусть никогда не забудется голубая блестящая Волга — как покой спавшей братки Фонтанки...

В холмике планетария мерцала панорама Волгограда и медленно таяла нереальная Каспийка. Иммануил Кант писал, что две вещи наполняют его душу безмерным удивлением и благоговением: «Бездонное небо над мною и закон нравственности во мне». Мучительное чувство неудовлетворенности нашим лучом солнца пронзает разум. Это очень правильная — как сказала бы Маяковский — рифма: «всмос — всность». Я твердо убежден в своей всности. Не все, что и мог, я исполнил за время пронория нелогого, но слово родиться, вспомнить, что в жизни я сделал доброго... Я мечтаю о том же

приндемном возрасте, когда смогу написать скажу — не поому, но повесть — скажу! — о нем, я точно и сам не знаю. В «Путешествиях Гулливера» Дж. Свифта вылипуты хоронят «своего бога» — великого колового; они считали, что земля плоская и, когда через двадцать восемь тысяч лет она перевернется, погребенные, но преданию, воскреснут. Но святочные человечки будут разучены, они не станут обижаться относительно смерти и будут беречь дарующий им жизнь теплый шарик планеты.

Арбузы и карусели

Ах, какой арбуз мы почилили в городе Волжском на арбузы солнцем смакей! Он кричал под пономом и капал сочною влагой в ямыток ледяной чашки на белых зубах, как чашка ледяная. А мы восседали богатым и бросали зеленые крепкие корки в серебряную урну. И это тогда называлось «сидячим баскетом». Были арбузы все разных выкратах — существовала линия арбуз. И ничто больше.

К слову скажу, Олег предпочитал дыни и относился к ним более уважительно. Была дыня то вкусовая или луговая сложностью, право, не знаю. Но я и сейчас хорошо помню Олега, смущенно шарящего волгоградскую дыню. У нас не было с собой фотоаппарата, и мы «звучковывались» зрительно. Так у меня сохранился «снимок» Олега, когда он идет по шпалам, в добротных ботинках, в зелено-голубых брюках, худым и неярким, а за спиной болтается авоська с оземлом. Это было уже в Азербайджане, в Мардакянах. В тех самых Мардакянах, где летом двадцать пятого года Есенин написал «Море голубое воробьиным» — любовное стихотворение Олега. «Ах, у луны такое светит... хоть кипись в воду, я не хочу поплам в сияющую эту погуду...» Как писала лучика Толстого — подруга последнего года жизни поэта: «Вино вышло из сада, и по утруам его часто было видеть».

Вечером в Волгоградском парке катались на каруселях. Ветви деревьев подлетали к рукам, и девушка невольно танговала с ним, желая поглядеть, но не успевала, проносимые мимо. Возбужденная шарил горькими, что крутила быстрее. Ведущая attractionком женщина хотела и влекласьвала руками. И вспоминались солдатская песня: «Снова будет небо голубое, снова будет в парках карусели, это лючно, что мы с тобою вовремя жениться не успели...».

Миша

В Астрахань приехали втором: Олег, я и Миша. Мы остановились в гостинице на перекрестке у волгоградского причала. Меланхолический и очаровательный парнишка сидел у окошка и насмехался арбузом. У него был удивительно располагающий вид, и Олег не удержался, спросил: «Как ты здесь работаешь? — как-то не слышал». Парнишка оглядел нас ласково и каре и нецерпозливо ответил: «Видите ли, я в некоторой степени и сам, можно сказать, без дела», но говорит, что контролеры уже проехали».

«Есть в мире чудачки, они живут средь нас — восторженные, волосом по плечу. Замысловаты и мудры их речи. Поступки удивительным подчас...»

У Миши дилемом врача, и он кочует в Ташкент на должность детского доктора. «Понимаю: так рядом Самарканд и знаменитая гробница пророка Дани-и-на!» Это звучит как стихи о невиданной Средней Азии...

Все дни светит солнце, и на корме корабля Миша живет незагорелое тело. Но вечером, когда над Волгогом искорки звезд, перелетают для Мишинных глаз, он рассказывает нам о Гиппократе и космической медицине, о соборах старинного Углича и разбоих Раина. «Мож крутым

берегов стаа быстрых струтов окружают большой караван...»

«Ог Саратова вниз по Волге есть скала — ее зовут утесом Степана Раина... Ах, этот Степан! Нет, мы только представляем: самого утеса — за боруду!» И Мишина шелудора покачивается, как камыши...

Он совсем не похож на взрослого человека. В Казани его чтили на оборах. В Муроме он замерзал и уходил из гостиниц, обматывая за расхищение искусства». Его хотели опрашивать «за расхищение искусства», но он «предпочел уехать»...

— Вы знаете, там, на Севере, было холодно и шны дожди, и я ел только мыские блюда, но сейчас тепло, и я ем только хлеб и арбузы. Между прочим, древние услышали по принципу: «Ватури — мед, ватури — масло», — так что в ситуации, можно обосновать незначительность баян...

Мне вспоминается астраханский вечер, и комната отдыла на причале, и Миша держит в руке кружку и говорит: «Общая вот шель я под стеной Астраханского города лежат луковья, такая акуратная, круглая луковья, ну и я ел все... и я ем смеялся, я не он ободился, только пожал мнегами: «Я, знаете ли, философ...»

В Баку мы расстались, забыв обменяться фамилиями и адресами. Миша — и все.

Ксения Некрасова

За окном встает на дыбы Каспий. Вдали от берегов восточных парижан, но ослепительные брызги белуют весенними островками снега среди пробудившихся напав...

Человек хранит в крови чувство земли, как хранит его травы и березы. «Отходит равнодушное от сердца, когда поспотривать на березовые листья...»

У меня в руках, как тогда на «Киргизистане», тоненькая книжка с золотыми лучами сонца на переплете. Называется «А земля наша прекрасна!». Ксения Александровна Некрасова. Фамилия обведена траурной рамкой. Я вспоминаю: были стихи Б. Савидного, посвященные Ксении Некрасовой, и женщина там неопознания, странная... «Купи мне лучшее сердце синие, люблю смотреть на эти цветы...» Что я знаю о женщине Ксении Некрасовой?...

«А я недавно молоко пила — козье, под сочно-рыжей лепкой в синей пилемке. Огромный синий полукруг туго под ударом солнца, а под ногами муршала трава, а между землем и небом — Я, и кружка моя молоко, да еще березовый стол — стук для моих стихов».

За мной заманчивыми окнами сияют тучки, и земля парит под благодатным солнцем и волнуется нахмет, и дождевые ветры распластались на дорожках сада, испонания проросшие листья. Незнакомая женщина, незнамо ктохорошенная, писала: «Я долго жила дождем, и как-то Ружик, в один осенних дней в мой кровки. Печальной брагой из розга полял преледы меня». Эта женщина мне как мать, потому что она как Россия, потому что сказано в мурлой и древней янвас: «Вос явнее красноты мужчины, лес живому ботиса смерти, помыш же себя во всем живущему, не убивай и не причиняй смерти». Эта женщина мне как мать. Эта женщина мне как мать, она залот моего неотвратимой судьбы. «Хватите родку мою! Ее снегом не отгребать, но берез не забывают...»

Я смотрю на Каспий и на небо. Небо шевелится, полагается. Небо переступает с ноги на ногу. Звезды влипают и медленно надуют. Можно загадывать любое желание. Я смотрю на небо и пишу созвездия Лилы.

Публикация С. ЛЕСНЕВНОГО
и М. МАКШИНА

Гравюра Ю. КОСМИНИНА

С 1 января 1967 года по решению XV съезда комсомола начался обмен комсомольских билетов. Для миллионов юношей и девушек комсомольский билет — символ верности делу и заветам Ленина, личной причастности к историческому делу нашей партии и нашего народа. Дорогой ценой, а иногда и жизнью платили верные сыны и дочери советского народа за право быть в комсомоле.

90 миллионов людей, прошедших школу коммунистического воспитания и идельной закали в комсомоле, хранят комсомольские билеты как самую святую реликвию своей юности. Но есть билеты, у которых особая судьба. Им нет ни в семейных архивах, а в фондах музеев. Один из них — билет № 7047898 Бориса Дмитриева — хранится в архиве Музея Вооруженных Сил СССР. О его владельце рассказывают скудные слова документов.

СПРАВКА

Дана Дмитриевой Аише Алексеевне в том, что Дмитриев Борис Михайлович, 1924 года рождения, комсомолец, направлен по линии РК ВЛКСМ на выполнение специального задания с 4. VI—42.

Секретарь РК ВЛКСМ
Дзержинского района Москвы Кузина

9 МАРТА 1943 г.

Здравствуйте, дорогие мама и Катюша. Я хотел бы знать, как вы живете, но, к сожалению, от вас получить письмо трудно. Пала, вероятно, на фронте. Передавайте им привет.

За меня не беспокойтесь. Я здоров и чувствую себя хорошо. Зима прошла, а летом нам, партизанам, раздолье. У меня много много боевых товарищей, и рады им все увеличиваются. Я был уже на многих боевых операциях, командование отряда представляю меня еще в прошлом году и правительственной награды.

Партизаны знают, что Красная Армия продвигается вперед. Скоро освободят и Белоруссию, и вот тогда мы увидимся. А пока нужно выигнать немцев.

7 ИЮЛЯ 1943 г.

...Вот уже год как я в партизанах. Я привык и лесной жизни и чувствую себя прекрасно. Уже много сотен немцев погибли от моей руки, и я думаю впереди. В последнем бою я был ранен легко в ногу, но сейчас уже поправился и начал понемногу ходить. Товарищи заботятся обо мне.

Целую тебя, Катю и папу. Борис.

Характеристика бывшего ученика 243-й школы в Москве ДМИТРИЕВА Бориса.

Классное руководство 7-м классом «а», где учился Борис, я приняла в 1939 году. Борис Дмитриев стоял в числе первых учеников класса, причем для этого прилагал много труда и настойчивости. Относился вдумчиво к учебе, он не довольствовался материалами учебника, а пользовался книлками из библиотеки. В ту же время он и в моральном отношении резко выделялся среди своих сверстников своей ярко выраженной индивидуальностью: прямота, честность, четкое исполнение своих обязанностей и чувство товарищества — все эти качества были неотъемлемыми его внутреннего «я». Будучи классным организатором, он пользовался общей любовью класса и имел в нем авторитет, т. к. всегда и во всем относился чутко и справедливо, идя первым на помощь в учебе.

Вышел классный руководитель Е. Хрущева.

Директору 243-й школы в Москве

Секретарю комитета ВЛКСМ

Имя Дмитриева Бориса свято хранит каждый комсомолец Осляновской районской комсомольской организации. Дмитриев Борис пришел к нам в тяжелые дни оккупации нашего района, когда комсомольцы и молодежь вели партизанскую войну в тылу врага. Борис вошел в партизанскую семью спокойным, скромным товарищем. Он много рассказывал о Москве. О первом дне молодежи в нем почувствовалась замечательная воля и организатора, вскоре Борис уже имел множество друзей. И тогда он ездил под откос первой зилею, отлично провел диверсионную операцию, авторитет Бориса стал еще быстрее расти.

Дмитриев Борис был примером добросовестного выполнения боевых заданий. Задания он всегда выполнял на «отлично». За время своей боевой жизни Борис слушал под откос 18 вражеских зилеюнов, участвовал во многих сражениях с фашистами. Борис, имея превосходное лодырное дело, обучал елку и товарищей. Его ученики Рышко Кужако, Александр Черепко слушали по 7 вражеских зилеюнов.

23 февраля 1944 года в схватке с фашистами в деревне Кеменичи, Осляновского района, Борис Михайлович Дмитриев пал смертью героя. Это тяжелая весть сразу же объявила ее отряды соединения. Во всех комсомольских организациях были проведены траурные митинги, где комсомольцы и молодежь клялись отомстить коварному врагу за горячо любимого друга и бойца Бориса Дмитриева. По инициативе комсомольцев в партизанском соединении был открыт счет своим врагам за Бориса. Десятки слушанных зилеюнов, сотни убитых немцев — вот дела молодых мстителей за Бориса.

Образ Бориса в все его жизни служит примером для всех молодежи нашего района, восстанавливающей народное хозяйство, разрушенное немцами.

Секретарь
Осляновского РК ЛКСМ Белоруссии Пялюшко

ЧИТАТЕЛЬ: МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

«СМЕНА» № 18. 1966 г. «ЧУВСТВО ПУТИ»

Я люблю живопись, и любовь эта к художникам для меня большая радость. Статьи Г. Нисского и Г. Анисимова о молодом художнике А. Анненкове очень понравились мне. Больше не читайте статей о творчестве советских и зарубежных художников, обязательно сопровождайте статьи репродукциями картин.

А. ЧЕРЕБЕЕВ, Могилевская обл.

Репродукции с картин А. Анненкова бросаются в глаза, задерживают внимание необычным стилем письма. Но, может быть, я отстал от жизни и от искусства, однако эти картины не вызывают у меня положительных эмоций. А может быть, картины не заслуживают той высокой оценки, которую предлагаете вы? Провозглашение искусства должно вызывать чувство восхищения, заставляя переживать и думать. Мне довелось побывать

в Дрезденской галерее. Восхищался. Смотрю репродукции с картин Платова, восхищаюсь. А что это вы называете искусством?

М. ФИЛАТОВ, Красноярский край

Мне хотелось бы познакомиться с молодым художником из г. Казани А. Анненковым, поскольку по своему духу, по своему мышлению он близок мне как художнику. Спасибо за интересный материал.

С. ГОЩАЧАРОВ, Лутвинская обл.

«СМЕНА» № 18. «ЧЕЛОВЕК, ДЛЯ КОТОРОГО ПРИДУМАЛИ БАСКЕТБОЛ»

Нехорошее впечатление осталось у меня от очерка Д. Пинчука. Зачем нужно было автору описывать достоинства Вольфов, чтобы в конце очерка

Герани

БОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Дата основания тов. Дмитриеву Борису Михайловичу в том, что он в июле 1942 г. добровольно прибыл из-за фронта в тыл противника в 211-й партизанский отряд советских ослушников партизан. Во время партизанской борьбы г. Дмитриев Борис Михайлович проявил мужество и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, на своем счету имел следующее:

1. В 211-м партизанском отряде подготовил 14 диверсионно-подорывников.

2. Руководил диверсионной группой, где выполнял обязанности подорывника. Второго 16 железнодорожных вражеских эшелонов с живой силой и техникой противника. В результате чего разбито 19 паровозов, 126 вагонов, 72 платформы. При этом уничтожено 1 260 немецких солдат и офицеров, 32 автомашины, 8 танков, 11 арт. орудий, 154 тонны порохом и много продуктов и военных материалов.

3. Руководил 5 раз диверсионно-подорывными группами в рельсовой войне. Его группой подорвано 1 400 рельс, 2 железнодорожных моста.

4. 4 раза возглавлял операции по уничтожению железнодорожной охраны, убито 19 немцев, 3 рязено.

5. Руководил подрывом 9 железнодорожных, 32 на шоссейных и грунтовых дорогах мостов.

6. На его минах взорвано на шоссейных и грунтовых дорогах 22 автомашины, 3 танка, 2 мотоцикла, арт. пушка и при этом убито 63 немца и полицейских и ранено 34.

7. Участвовал в штурмовой группе при разгроме полицейского гарнизона, где г. Дмитриев Б. М. проявил мужество и отвагу, первым достиг вражеского ДОТ, противника, забросал гранатами и уничтожил ДОТ. В этой операции Дмитриев Б. М. был ранен.

8. Участвовал в 7 эффектных засадах и 3 открытых боях, где также проявил смелость и героизм.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 августа 1944 года г. Дмитриеву Б. М. присвоено звание Героя Советского Союза. За боевые дела 1942 г. г. Дмитриев Б. М. награжден орденом «Красная Звезда».

28 сентября 1944 г. командование 211-го партизанского отряда представило г. Дмитриева Б. М. помертно к правительственной награде — ордену Отечественной войны I степени.

23 февраля 1944 г. в д. Каменичи, Осиповичского района, Могилевской области, в неравном бою с отрядом шайки галдерской банды Дмитриев Б. М. пал смертью героя за освобождение белорусской земли от коварного врага. В этом бою г. Дмитриев был тяжело ранен, но он продолжал до последнего патрона сражаться с гитлеровцами. Убыл одного офицера и двух солдат противника. Когда осталось один патрон, он покинул самоубийством, чтобы не попасть живым в руки противника.

Командир отряда Барзана Нач. штаба Погалево

перечеркнуть их? Спортсмен нашел себя в атаке. Что же автор требует от Вольнова? А может быть, Вольнов — зарывшийся, зазнавшийся спортсмен?

В. КРЕМЯНСКИЙ, г. Херсон.

«СМЕНА» № 20. СТИХИ НИНЫ НОВОСЕЛОВОЙ

Стихотворение «День Ромашки» мне очень понравилось. Я согласен праздновать День Ромашки, но не рано! Но на нашей планете ромашки только сейчас начинают свое пыльное цветение. И начинать его надо не в поле, а в саду. И в саду ромашки, что тогда наши русские женщины, наши города и села. Молодежь не помнит этого — напоминайте ей об этом!

И. ТРУСОВ, Московская обл.

Хирурги

Хирурги — немного циничны,
Презирающие жесты и фразы
И балансирующие, как в цирке,
Под куполом диафрагмы.
О это их власть, пред которой
Все чины не стоят грошей!
Их смертные приговоры
Кассации не подлежат.
Как будто всех чувств прешьше,
С чужой бедой на горбу
Ставят они привячю
Последний диагноз.
Друг с другом отчаянно спорят,
В ошибках своих утрачиваясь.
И вдруг — всю до мелочи —
всплывают

Неудавшуюся операцию.
И тени умерших вытают.
И менту тоски лютеют.
И до старости доживают
Немного из этих людей...

Утро

Теплоход «Ипполитов-Иванов»...
На пустынной корме у борта
Мы стоим в синеватом тумане.
А вокруг — рассвет и вода.
Засверкали на солпках сосны.
Задыхались прибрежный туман.
Золотистую рину
Солнце
По воде протянуло нам.

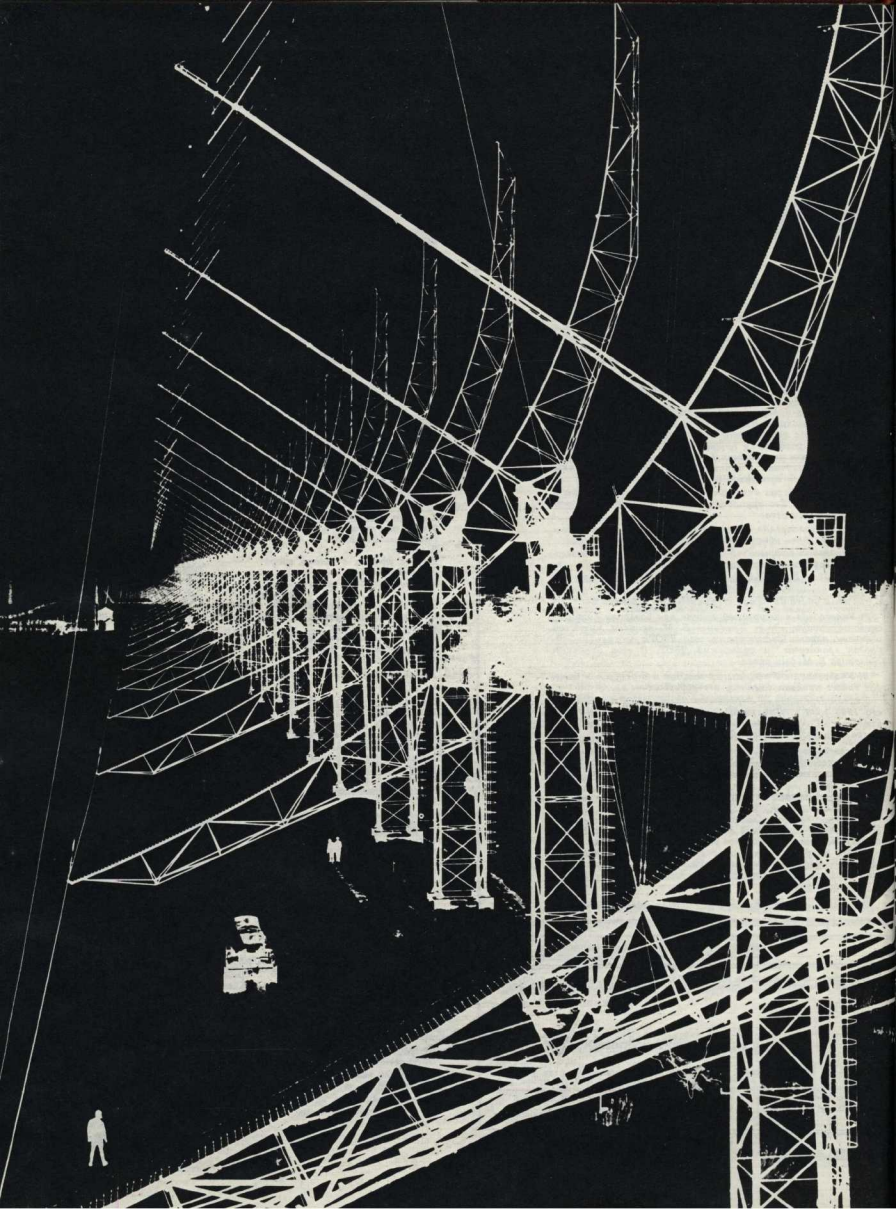
А в яленье рунится рыба.
А с борта только глянешь вниз —
Гладко так,
Что хоть с плавбу прыгай
Да нырянь надовой и катись.
Скоро будет твоя еставка.
С шумом ахнет на талму прыжка.
И сбегнешь ты по траву неволно,
Второпях попортиться забыви...

Тридцатилетие

Мы удем, как бывало,
Ранни утром — до жары —
С Павелецкого вокзала
В полевые шаты.
Гордые прочь рубашки!
Солнце варит в ядру.
Между пальцами
Ромашки
Застревают на ходу.
Все не так нам ризовало.
Не поверю ни что,
Будто прежде мне казавось:
Тридцать лет — почти как сто.

На зеленом этом луге,
Среди пней, стрекот и ляг
Те же сладостные выюги
В голове моей шумят.
Та же самая тревога...
И как в прошлые лета,
Разных дел я начал много —
Не выходит ни черта!
Хватит шуток, хватит смеха.
Ты учи, старик, учи:
Тридцать лет, а до лупека
Те же сотни верст пути.

Ким БАКШИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

ВРЕМЕНИ

Галии летят и Оне. Они там следуют в воды грядущего и будут приходить и сходить, какие грядущие вывертятся за ночь зайцы на тонном свету. Солнце вывесило не-за-тем, гигантские расщелины, и стали видны дали и темные полны зарычных тесос. По червешные стошни зарычных тесос. По червешные стошни зарычных тесос. По червешные стошни зарычных тесос.

Что такое вечность? Очень легко написать: Т — ∞. Но оно, смирился с этим бесконечно струщимся временем, с тем, что оно не наивысшая нигде за нами, не кончится с нашим концом, а уйдет в даль, которой нет предела. Кто представит себе, что во Вселенной много разных времен, что в некоторых случаях есть замедление времени, искривление времени и даже его течение вспять (таким выводом его теория относительности Эйнштейна).

Да и что такое прошлое, будущее? Никто ведь не начертил в пространстве строку — указатель направления времени. Это мы, живые разумные существа, обитавшие на небольшой планете, вращающейся вокруг периферийной звездочки, условно считаем, что время, которым мы имеем дело, течет туда-то. И близкую нам схему, повторяющую нас самих: рождение, развитие, смерть — переписана на Вселенную. Но кто скажет: родился, наше Солнце идет к концу или и началу?

А как же галии? И этот ветер, дующий с Оми? И весь этот зрительский мур? И все разности замечения и разные события, которыми так наполнена жизнь?

Когда одному фермеру впервые показали в телескоп звездное небо, он долго молчал, пока сказал: «Теперь мне все равно, кто победит на муниципальных выборах».

Но все сложнее, человек не может отделиться ни от чего. Ему же близки знания зайцы. И в то же время он стремится познать все то, что, наоборот, невозможно себе даже представить.

Человек построил этот телескоп под Серпуховом — самый большой в нашей стране, этот черный знак на свету — километр на километр — этот ирост, который заглянул на звездные облака, оставившиеся наедине с Вселенной и вечностью.

Мы привыкли измерять расстояние расстоянием же, — например, метром. Астрономы измеряют межзвездное пространство временем — тем, которое потребуется свету, чтобы дойти до нас. Существуют ли машины времени? Да. Это телескопы. С их помощью мы отправляемся путешествовать в прошлое. Чем глубже телескоп проникает в свои зрительные овалы Вселенной, тем древнее картина мира, представляется перед нами.

Недавно открыт назвэр ЗС-9, его раздалось лет назад. И вот еще один рекорд: зарегистрировано радиолучение, возраст которого 10 миллиардов лет.

Ученые полагают, что приблизительно 10 миллиардов лет назад в нашей Метагалактике существовало очень плотный, и 10 миллиардов лет назад произошедшая взрывная смена, что до сих пор видна наша Вселенная расширяется, галактики разлетаются.

Чем дальше в прошлое мы заглянем с помощью телескопов, тем ближе мы пододем и этой удивительной черте — началу взрыва. И тем большим становится скорость наблюдательных объектов. Такие они и световой, и назвэр ЗС-9, например, скорость — 80 процентов скорости света.

Что не такое назвэр? Это именно загадочно космическое тело сравнительно небольших размеров, светя-

щееся ярче миллиардов звезд. Это какое-то пока неизвестное науке состояние вещества. Может быть, это осколок праматери? Вспомним, что всего (I) два миллиарда лет отделяет его от того первоначального состояния, в котором находился мир до взрыва.

Нам очень повезло, что мы вращаемся именно вокруг Солнца. Это сплюснутая звезда, она законно раскалилась своим термоядерным горючем. Сейчас Солнце прошло половину своей жизни. Надо полагать, что тем же сплюснутым оно пройдет и дальнейший путь, постепенно оставаясь, сменяясь, пока не превратится в белого карлика. Такие звезды известны астрономам, они не взрываются, не вспыхивают, исполняя все в окружающей пространстве, вообще не терпят равновесия.

Иное дело, если бы наше Солнце было в несколько раз массивнее. Всего в несколько десятков раз, ведь это не такая уж большая разница в космических масштабах, не так ли? Но между тем такая звезда ученые предсказывают удивительную судьбу. Когда в такой звезде прогорит термоядерная топлина и вместе с ней исчерпан запас протинергующей колоссальной силе тяготения, которые создают огромная масса звезд, происходит гравитационный коллапс — катастрофическое сжатие, — поля тяготения, колоссальной водности, и в их присутствии проявятся эффекты, представляющие собой теоретическую неслыхательность: время замедлит свой ход, ни свет, ни любое другое излучение не сможет вырваться наружу.

По словам академика Я. Б. Зельдовича, при колоссальном сжатии на поверхности звезды за несколько секунд произойдет до самого центра. Интересно, что стороннему наблюдателю будет представляться совсем другая картина. Вследствие замедления времени ему покажется, что в какой-то момент сжатие замедлилось. Звезда потухла, исчезла, нет ее, и никакие телескопы не смогут ее обнаружить. На самом деле звезда существует и продолжает катастрофически сжиматься. Теоретиче не исключают, что возможен обратный процесс — расширение, взрыв.

Сейчас все больше ученых разделяет точку зрения академика В. А. Амбарцумяна о том, что необходимо сильное истончение космического радиолучения — радиогалактики — результат взрыва, который происходит в ядрах галактики.

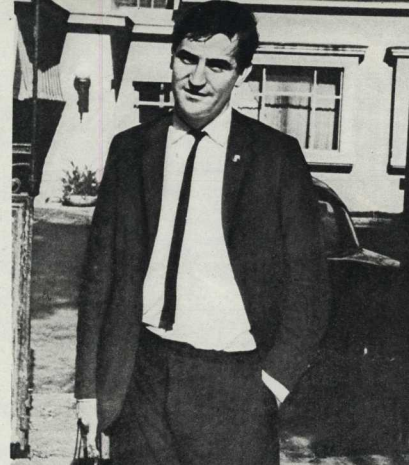
Одноэтапный заснеженный домин. Вены и порога, чтобы облететь наши Иоворова дорожка в юриорде, Двери, ирадные белым. Центральная звезда и пульсар управления Серпуховского радиотелескопа, туда, где самописчик чертит бесконечные красные линии на рулонах миллиметровки.

Эти радиогалактики и радиозвезды — те самые, что произошли в результате необъяснимых еще взрывов, — оставляют свои автографы.

Радиогаликтики их хранят, коллекционируют и любят так же, как дотошные собирают автограф кинозвезд. Наиболее интересные миллиметровый уносит домой, чтобы сплюснуть рассмотреть, так скажут, любившейся за чашкой чая.

И пока они льют эту чашку чай, или сидят за письменным столом, или играют со своими ребятишками, следующие смена, которая будет работать ночью, записывает очередные автографы, летящие из космоса. Так происходит то, что строят новые телескопы. Возникают и рушатся галактики. Мы должны познать законы мироздания, сложную диалектику Вселенной, отыскать и овладеть новыми источниками энергии. Это миссия человечества.

Система включена. Медленно, словно подчеркивая вращающийся размер телескопа, вращаются металлические диски на шпильке управления, и вслед за ними антенны Серпуховского гиганта настроаются на созвездие Лебедя.

Снимки АУРЕЛИО ГОНСАЛЕСА, фотокорреспондента уругвайской газеты «Эль Популар».

Монтанели по Алпам, переживали разрыв Овсада с Диемой, ненавидели низость мезутов.

Дочитывал он один. У меня не хватало времени, а у него терпения, что бы дочитать, пока они попятятся.

И однажды вечером я услышал от него вопрос, который и заставил написать то, о чем хочу рассказать. Вопрос был знакомым, хотя и неожиданным: «Снимки, а сейчас там, как Овсад, есть?»

Я искал в памяти имена лица. Хотелось ответить ясно и убедительно. Конечно, есть их много, и об одном из таких людей я рассказал.

И в тот вечер, перебирая записи, которые делал во время далекой зарубежной командировки, я рассказал сыну про Овсада наших дней, Овсада, который живет в Уругвае...

...Нина Аурилио Гонсалеса в впервые услышала в кабинете директора Бойвой газеты коммунистов Уругвая «Эль Популар» Эдуардо Визра — бесценный руководитель небольшого коллектива газетчиков — рассказывая о своих делах, горестях и радостях.

Вот уже десятый год живет и работает в Уругвае. У нее много друзей из среды рабочих, интеллигентов, студентов. В те дни, когда газету бегут распространять сами читатели, втирают выростает почти в три раза. А обычно, когда в судья в руках провадас газет, они принимают соответствующие меры, продают номера в ивене выгнанные времена, припадают уютросте популярности газеты.

Спокойно, сдержанно рассказывает Эдуардо Визра о героических буднях газетчиков, о милой деятельности своих товарищей. Камчатй из двадцати сотрудников газеты мог бы получить втрое больше, посязал он на многочисленные предложения боссов соседних буржуазных изданий.

— Наша зарплата установлена партией на уровне средней зарплаты рабочего Уругвая. Так что в этом смысле мы — предпринимательское дело журналиста, тут вот товарищ Визра, мончича, энтузиастично говорит: — За это потом уже серьезно говорит: — За эти годы партия вынуждала новый тип газетчика, борца, энтузиастично, энтузиастично.

В Уругвае не знакомы с нашим фототрагом О. Аурилио Гонсалес — человеком удивительной, человеколюбивой. Стрелостроителем у рабочего Монтевидео, да и не только в столице, а во всем Уругвае. Он выдумывал (Наш испанец) Если бы его выдумывали сегодня в парламент, он получил бы очень много голосов. Это человек, вездесущий. Кажется, нет такой забастовки, демонстрации, скандала или инцидента, в которой бы не участвовал, которую бы не заснял Аурилио. Фотоаппарат — его оружие, он всегда наиболее трудных и наиболее опасных местах. Уже много раз Гонсалеса арестовывали, но всегда под напором требований рабочих, студента, журналистов его выпускали.

Политика его хорошо знает, ненавидит и боится. Часто разлагает работы у Аурилио возникает альтернатива: снимать или обороняться? Он обороняется. Часто разлагает работоспособность: сначала снимает, потом обороняется.

Для Гонсалеса как для профессионала нет невозможного. Пожалуй, о его жизни можно было бы снять документальный фильм или написать книгу. Об этом ночью два человека погони, выстрелы, удивительные прыжки, сверхзабывательная хитрость.

Однажды ночью, когда Гонсалес снял важный кадр, он прыгал в центре Овсада с ночью два человека погони, выстрелы, удивительные прыжки, сверхзабывательная хитрость.

Однажды ночью, когда Гонсалес снял важный кадр, он прыгал в центре Овсада с ночью два человека погони, выстрелы, удивительные прыжки, сверхзабывательная хитрость.

Кан им парадоксально, в Уругвае до сих пор существуют дуэли. Знатные господа позволяют себе стреляться. Для газетчиков, живущих в условиях острой конкурентной борьбы, мог бы пригодиться разоблачительный снимок одной такой дуэли видного государственного деятеля с армейским генералом. Но не давали задания Гонсалесу. Он один журналист, без страха и риска. Ни один журналист даже не мыслил попасть на эту дуэль, а вот Аурилио был там. Никто не знает, как ему это удалось. Позднее он рассказывал, что преодолел все препятствия в багажнике. Скорая помощь, вызванная и этому месту.

— И вместе с тем, — продолжал товарищ Визра, — Гонсалес не гусар, не искатель приключений, он человек большого мужества, удивительной выдержки и убежденности. Его работа — яркая иллюстрация того, что наша газета не зря выбрала своим эгиптаром знаменитые слова национального героя Уругвая Хосе Артигаса: «Моя враги лишь те, кто противится счастью народа».

Несколько месяцев тому назад имя Аурилио Гонсалеса прозвучало на всю страну.

Во время одной из демонстраций протеста у здания посольства США полицейский выстрелил в нашего Аурилио. И счастливо, пулею пролетела мимо. И, может быть, потому дробилась пуля убиенно-полицейского, что в тот самый момент, когда он очутился в лицо беззащитного фотографа, Аурилио хладнокровно снимал его своей камерой «Киев».

Газета получила грозный обвинительный документ на основании которого «Эль Популар» возбудила уголовное дело против полицейского. Гневом отозвались сердца наших читателей на это похищение. Буржуазная Фашида долго не решалась опровергнуть действия бюрократия порядков, но само, уста и гниавца, рубашка блине и телу... Конечно, они найдут мушкетера Аурилио Гонсалеса вновь доставили им немало хлопот.

Казначейство Аурилио Гонсалеса вновь доставили им немало хлопот.

Казначейство Аурилио Гонсалеса вновь доставили им немало хлопот.

Казначейство Аурилио Гонсалеса вновь доставили им немало хлопот.

Казначейство Аурилио Гонсалеса вновь доставили им немало хлопот.

М. ЮРЬЕВ

...Сын расстел, как все сыновья, — неожиданно. Кажется, еще вчера задавал он наивные «почему?». Помню, как в первую свою сознательную зиму, неуловимо ослепая влюблен, оторочил вопрос: «А почему у лошади молоко не течет? (Это он так воспринимал сани-розвальни, которые возила пробабля по первому снегу).

Время усложняет вопросы. А рядом, по-своему перерабатывая ее, поднимается, складывается человек, жадно впитывая то, что дают учителя, товарищи, книги.

Книги... Вот, кажется, и просмотрел момент, когда от сназона, детских стихов Маршала и гордого Мальчишка Нибальчиша Гайдара подобрался сын

Монтевидео кипит гневом и возмущением.

Демонстранты собрались у здания «Дженерал электрик». Скакывали лозунги. Нарывали полиция. Пошли в ход дубинки.

Знаменитый марш протеста в Пунта-дель-Эсте. Я снимал участников марша чуть ли не из-под брюха лошади полицейского.

«Пеньяроля». Идет подготовка, но Гонсалес вы обязательно увидите.

Нас никто не знакомила с легендарным фотографом. Это получилось само собой. Мы стремились как можно больше увидеть и узнать жизнь страны, а он был ее активным участником и летописцем.

...После беседы с руководителями Федерации университетских студентов мы вышли на площадь, которая кипела студенческими людьми. Был митинг будущих химиков, медиков, архитекторов, юристов. Огромное полотнище с лозунгом натянута десятками рук. Лестинда при входе в университет — трибуна, улица — благодатная аудитория, которую точно поджигают речи омерзительных ораторов. Толпа пестрит, мелькают белые халаты стоматологов, яркие шарфы студентов. Оратор на трибуне говорит о том, что национальный банк задолжал университету за прошлый год 78 миллионов песо. Он критикует военных за препятствия, которые чинит студентам-медикам в военных клиниках и госпиталах.

Молодые слушают, одобряют, негодуют. А улица с обеих сторон оцеплена полицейскими. Они внимательно наблюдают, но пока не вмешиваются. Вот мимо полицейских проходит невысокий чернокожий человек с фотоаппаратом. Судя по реакции, он знаком и полицейским и студентам. Одни встречают его кривыми ухмылками, другие — радостными возгласами. Нам шепнули, что это и есть Гонсалес.

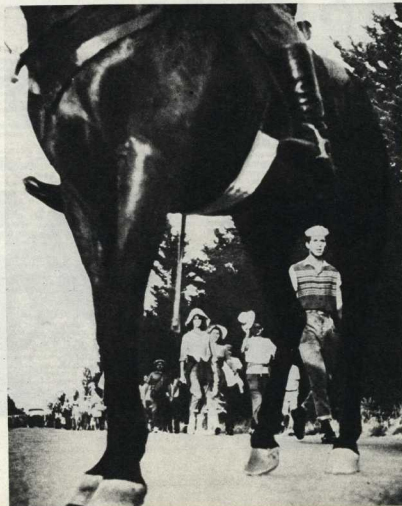
Аурелио работает без суеты. Безусловно выбирает место. Снимает немного. Для газеты пойдет один-два кадра. Надо действовать намеренно. Нам мы потом убедились, это его особый стиль. Он не пожим на обычно мечущихся фотоаппараторов. Как будто и не торопится, но именно «Эль Популар» получает уникальные, высокопрофессиональные снимки раньше других.

Студенческая демонстрация — лишь маленький ручеек в могучем потоке борьбы труящихся Уругвая за свои права, за национальное достоинство, за демократию.

18 июня 1965 года Монтевидео был буквально захвачен яркими лозунгами, плакатами, призывающими на митинг во дворец спорта клуба «Пеньяроля». На площадях разбрасывают листовки.

В этот день пролетариат Уругвая, его профессия, революционная молодежь демонстрировали свою сплоченность и силу. Кажется, многотысячный зал «Пеньяроля» уже заполнен до отказа, в делегации продолжают прибывать. Трибуна украшена флагами Уругвая и Кубы. Над сценой следят и справа постыница с портретами Фиделя Кастро, а по балюну пламенные лозунги: «Революционное движение Уругвая — с Кубой!», «Да здравствует Доминиканская республика!».

За несколько дней до митинга буржуазное правительство Уругвая специальным декретом запретило проведение на своей территории континентального конгресса солидарности с

На три дня университет стал настоящей крепостью...

Не помогли ни угрозы, ни пули, ни слезоточивые газы. Студенческая «артиллерия» разила полицейских.

Полиция пыталась штурмовать университет.

Конная полиция готова...

И это было символом солидарности с островом Свободы.

Демонстранты протестуют против действий янки — этих мнимых миротворцев.

Марк ТАРТАКОВСКИЙ

Фото В. ТЮКЛЕЯ

УРОК, НА КОТОРОМ

В 57-й московской школе однажды я стал свидетелем ЧП: рослая девушка-старшеклассница получила двойку по физкультуре. Конечно, не стоило даже упоминать о таком незначительном факте, если бы не любопытная подробность: девушка эта была баскетболисткой-чемпионкой района.

Полученная двойка по физкультуре оказалась ей по меньшей мере недоразумением. И мне, признаться, тоже. «Разве», — мысленно рассуждал я тогда — успех в спорте, в баскетболе, в частности, не важнее, чем, скажем, упреждения типа утренней зарядки, которые доступны буквально каждому?»

Так полагаю я, да и девушка была, по-видимому, того же мнения. Ошеломленная, она явилась в учительскую: за что, мол, мне, знаменитости!

— А ты гимнастические упражнения не сдашь, — терпеливо объяснил учитель физкультуры Джемс Владимирович Ахмедов.

— Но я же баскетболистка!..

— Да, пожалуй, ты права, — вздох-

нул учитель. — Тебе физическая культура не нужна. Ни к чему! Ты ведь баскетболистка!..

И девушка смилка: что тут возражать!

...Этот происшедший уже довольно случай пришел мне на память, когда, читая постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта» дошел я до строки: «Задача школы — привить учащимся необходимые знания и навыки по физической культуре, массовым видам спорта и на этой основе обеспечить всестороннее развитие и укрепление здоровья школьников».

Всестороннее развитие — значит уметь не только метко забрасывать мяч в корзину. Можно быть баскетболистом-вундеркиндом и не уметь плавать. А если придется спасать утопающего или просто случайно упасть в воду на глубоком месте? Вот, скажем, обладает человек каллиграфическим почерком и вместе с тем делает в письме уйма ошибок. Назовем ли мы его грамотным?

В той же московской школе я заметил на уроке двух девочек-гимнасток. Они играли в баскетбол. В этой игре, как известно, желателен высокий рост. Девочкам этого качества определенно не хватало, и мяч зачастую перелетал высоко над их головами. И все же безошибочно можно было определить: это разностронние спортсменки. Отлично сложенные, какие-то ладные, собранные, они резко, красиво дегились по площадке. И вот одна из них в высоком прыжке перехватывала-таки мяч. Передала подруге. А та уже прорвалась сквозь заслон и принесла команде два очка. Оказывается, и в баскетболе рост не самый главный.

Но нужен ли обычный баскетболисткам, без пяти минут, как говорится, мастерам? В этой школе вопрос решен давно и безоговорочно: нужен.

Здесь все начинается с обычного урока физкультуры. В этом, корнем успеха. Гимнастки-перворазрядницы, о которых я рассказывал только что, были как раз из тех, кто прежде всего хорошо занимается на уроке. И

приобретенную здесь культуру движения вместе с обычной учебной старательностью они перенесли в гимнастический зал.

Так школа «отдает» тренерам грамотных физкультурников, любящих спорт, понимающих его значение. А потом эти спортсмены не просто «защищают честь» школы, но и завоевывают ей отличные места на всевозможных соревнованиях. Стоит ли порицать школьного учителя за такое «комплектование» своих сборных команд? Думается, нет, если он добросовестно делает свое главное дело — воспитывает культурного, здорового, разносторонне развитого человека-физкультурника, способного воспринять то умение, которое передает ему специалист-тренер.

Но в спорт приходит десятка, в большой спорт — счетные единицы... А остальные?

Они остаются физкультурниками. Вот «радовая физкультурница» Оля Т. Вообще-то она считает себя волейболисткой. Но это не совсем точно. С полным правом можно назвать Олю и теннисисткой — у нее в этом

Обычный урок, тот самый, на котором лачаются руки. С восьмиклассниками 57-й московской школы занимается Джем Владимирович Аледи.

Виде спорта первый японский разряд, и плюсичасом — второй японский. Когда того, она прыгает в длину за четыре с половиной метра, а в высоту — на метр сорок. Да еще неплохо бегает шестдесят метров и пятидесяти.

Но хитро. Дело в том, что никак она не выдерживает. Обыкновенно участвует. Но старательна. Она, в частности (поставим здесь воспитательный знак), ежедневно делает по утрам зарядку! Многие ли в пятидесят лет регулярно делают утреннюю зарядку?

— А физзарядка, — утверждает Джем Владимирович, — иной раз полезна спортивной секции. Плюс.

Если в классе занимается такса, как Оля, или, скажем, баскетболистка — чемпионка района, или гимнаст-перезарядчик, каждый урок физкультуры становится увлекательным. Зарядочные упражнения под фразе, два, три спортсменам-разрядникам уже ничего не прибавит. Надо вводить все новые и новые упражнения. И школьный учитель становится физическую культуру на самом высоком уровне.

Эту школу считают хорошей и обычно хвалят. Почему? Да потому, что они занимают приличные места на разного рода соревнованиях. Сам же Джем Владимирович объясняет эти успехи со своей обычной спокойной улыбкой:

— Выступаем за счет общей культуры. Если человек хорошо занимается на уроке, его можно смело выставлять на районных соревнованиях. В спортивной секции он тоже будет на последнем.

Нам нужно слишком много требуют от школьного учителя и дивятся, что он не получают ничего. В районе, городе, области его считают чем-то неуважительным. Словом во всех видах — от арбатского до национального тенниса. Во всяком случае, школу обязуют участвовать в десятках различных соревнований.

— А кое-кто еще — физкультура, — говорит учитель.

Вот он, объективный показатель работы учителя: энергичные, рослые, здоровые ученики. Когда видишь в школе, где преподавание — не на добром десятке спортивных площадок школы, существовавших и себя приобщенным к этой маленькой «крупнице здоровья». На школьной дворе целый стадион, как раз так, какой нужен школьникам: внутри беговой дорожки вместо футбольного поля — площадки для ручного мяча, баскетбола и волейбола, столы для настольного тенниса, корты для бадминтона. В школе говорят: «Наша кафедра физического воспитания».

Все это, конечно, очень интересно, но я замечаю нечто еще более удивительное: по аккуратной асфальтовой площадке в углу двора выведены краской ровные белые квадраты и полукруг с надписью «АД». Это спортивные классические — забавы взрослых — площадки для самых маленьких — перекладух...

Вот с какого возраста начинают задаться о здоровье учеников.

Иван Борисович работает в этой школе с самого ее основания и помнит время, когда ничего здесь не было, кроме здания и парт в классных комнатах. Все нужно было начинать с самого начала, привлекая тогда энергичного учителя.

Он приспосабливался к своим ученикам. Замечал самых интеллигентных. Одинажды он сказал им:

— Спортивный зал в нашей школе просторный и светлый. Отличный зал. Но он один. Ничего еще.

Строить заллись шефы школы — рабочие ближайшего завода. Школьники им помогали: убирали строительный мусор, красили стены... Кто-то в те дни приносил строительные материалы. Конечно, не помешали они тем, кто уже вышел из стен школы в большую жизнь. Говорят ведь в народе: ремесло за плечами не виснет.

Для симметрии построили сразу два зала — в обиход крыльях школьного здания. Зводно и двор превратили в стадион — с беговой дорожкой, секторами для прыжков. Вот только для футбольного поля места оказалось мало. Тогда-то и оборудовали место наго две волейбольные, две баскетбольные и одну площадку для ручного мяча.

И назвали ребята своего учителя физкультуры «главным строителем». Вот так — почти с нуля — строились школы. — Качество действительно могло быть сейчас все курс строительного техникума, — говорит мне Иван Борисович.

Потрудился надаром. Теперь все школы — сотни учеников — может одновременно заниматься на своих спортивных базах. Вечерами, после уроков, обычно так и бывает. Но разве школа содержит десятка платных тренеров? Или какие спортивные предоставлены самим себе? Нет, с ними работают (именно работают) в свободное от учебы время сорок тренеров-общественников, лучших спортсменов школы.

— У меня всеведомств, — сказал Иван Борисович, — а со временем будет еще больше.

Ему удается вольно образом присутствовать немедленно на всех секциях сразу. Во всяком случае, так утверждает сами тренеры. Достаточно им чуть-чуть ошибиться, как ра-

дом возникает маленькая фигурка учителя. Едва заметно, молчи он превращает тренера гимнастов: так сказать ослос, можно попердеть себе руку. И опять исчезает.

После занятий сорок тренеров делают свои курсы журналов и уходят: готовят уроки, занимаются с самой Ириной Борисович, или в доступную спортивную школу. У них на майках начертано «Юный тренер», а мог бы быть и старинный благородный девиз: «Знать и учу другим». Давно прошли опытные педагоги относятся к своим юным коллегам с почетом. Потому что нелегкое это дело — тренировать своих товарищей: ведь старшая среди равных, и занятия я тебя сегодня не допущу, — категорически говорит юный тренер своему сверстнику.

— У тебя, что ли, дозек не бывает? — запальчиво огируется обиженный.

— У меня не бывает, — спокойно отвечает тренер.

— А ведь надо не иметь, пожалуй, даже тогда, чтобы вот так, с достоинством ответить. Как видите, майка с надписью «Юный тренер» обманывает ко многому.

Уже писал однажды, как в одной из школ строились классы «Моя профессия». Пригласили инженера с соседнего завода, физико-теоретика, латинско-испытателя и учителя физкультуры из другой школы (хотя в этой был свой).

Из зала задавали вопросы — самые разные:

— Как учиться на инженерно-конструктора?

— Почему не бывает скоростной больше, чем скорость света?

— Какие документы нужно иметь, чтобы приехать в космос?

Учителю физкультуры задали такой вопрос:

— Кем вы были, пока не стали физкультурником. Но это был опытный, заслуженный педагог, который как-то не привык, чтобы его называли (впрочем, в данном случае, в обращении к гостю, без нотки фамильярности) физкультурником. Но, главное, он не сразу понял, что так уж считают в школе, куда его пригласили с самыми

нашей жизни физические упражнения, туризм, спорт. Пардонская? Нисколько! Ведь ни о чем не остается людьми со всеми присутствиями — нам, природой данным радостями и возможностями. Давно изобретен пародом, но человек отправляется через океан, по своей воле, по своему плану. Это проверка научной гипотезы, но это и испытание физических возможностей человека. Человек опускается на морское дно не в батискафе (это свая по себе требует незаурядной физической подготовки), а в акваланге; по году он живет на дрейфующей ледовой станции; пешком забираться на высочайшие вершины. Запрет своему прыжку, а белью пролететь над ними в самолете. Ничто человеческое не чуждо людям двадцатого века.

...Так говорил педагог с трибуны, а слушая его в зале конюши и два раза — рослые и не очень, более здоровые и менее... Но одно было ясно: они собрались стать инженерами, физиками, космонавтами. О профессии, о труде, о будущем, о жизни из них не думали. Многие даже не подозревали, что это профессия, к тому же очень и очень важная, многие ли разу не задумывались над этим? Это знание физкультуры, знание этого предмета так же необходимо в жизни, как знание литературы или математики.

— А знаете, отчего это неуважение к физкультуре? Потому что ее преподавал старший учитель... От неуважения к физическому труду. В этом неуважении — к физическому труду, к физической культуре — лежит корень исторического, политического, социального... «Работать физически!» — рассуждает обыватель. — Пачать руки!.. Но оттого ли так неохотно идут на производство некоторые выпускники школ? Как же, ведь там пачкаются руки!

На уроке физкультуры тоже приходится не только думать головой, но и пачкать руки. Эти уроки для школьников — не только труд, но и приходится тратить мускульную энергию. Но ведь в жизни это придется делать.

Современное предприятие, скажем, изготавливает точные приборы, не требует рабочих с пудовыми мышцами. Здесь точность важнее, чем грубая сила. Но физическая

культура приучает к точности. В гимнастике любое отклонение от идеального рисунка движения является серьезным недостатком. Баскетбол — это неслучайное очко...

Современный энергичный, расторопный, здоровый молодой рабочий — непременно физкультурник, спортсмен. Спорт — это не просто игра в жизни, к проделанию трудностей, в конечном счете к труду. Физкультура — почти единственный урок, на котором приходится пачкать руки, тратящую энергию. И тем, кому дорог этот урок, будет по плечу любая работа.

Уже вижу скептический улыбку! Кто, кому физкультура? Кто, кому физкультура? Меньше радости кажутся чуждыми, делимыми от духовной жизни человека. Ответу им словами великого русского мыслителя А. И. Герцена: «Почему презирать труд? Труд — это счастье! Оно милое и придает вес вашему бодрому уму и смеш гердумо ваше му духом оттого его зависимость от узкого слогана».

1944 год, Фашистская Германия терпит сокрушительное поражение. В беспробудной ярости гитлеровская кляка решает уничтожить крупнейшие центры славянской культуры, в том числе древний польский город Краков. Советское командование, получив предварительные данные о планах гитлеровского рейха, забрасывает во временно оккупированную территорию Польшу группу разведчиков во главе с майором Вихрем. Действуя в тесном контакте с силами польского Сопротивления, Вихрь и его товарищи Коля и Аня начинают ежедневно и спешно работу по сбору гитлеровского плана уничтожения Кракова. Вместе с ними действует Степан Богданов, доверенный друг Коля, парень, прошедший все ужасы гитлеровских концлагерей. В их борьбе ни противостоят местные отделения гестапо и военной разведки рейха — абвера. Коля должен ликвидировать амоскопаловского офицера СС фон Штурца. Но он не знает, кто этот офицер — в действительности крупный советский разведчик Максим Назар — его отец.

Особенно tricky и коварен полковник абвера Берг, который ведет двойную игру. После ареста своего шефа адмирала Канариса он хочет зарекомендовать себя в глазах гестапо истинным патриотом. С другой стороны, ждет советскую разведку Аня Берг пытается убедить командование Красной Армии, что он является противником гитлеровского режима. Аля схвачена абвером, но Берг решает подготовить ей побег.

СОРОК ДВЕ СЕКУНДЫ

— Документы, — сказал патрульный эсэсовец Крисе, позвучу Вихрю.

— Почему он не приветствовал меня партийным приветствием, как полагается эсэсовцу? — подал Вихрь, достав из кармана сигареты. — Почему они не позвучили мне? Видно, это не напарные эсэсовцы. Крисе сейчас заливает все дело: она на грани обморока, Седой и Богданов держатся хорошо. Апель — молодец! Только вот руни трипуста. Сейчас завершат в наbare, начнется палачья. А пистолет у меня слабый. Сколько раз говорил себе: только во внутренний карман пиджана. Кто же знает, что они охотятся здесь именно сейчас! Все в жизни решают минуты. Моно нечто готовить годы, а придет у а минуты — и все поветит и чертит. Что в этом: великая закономерность, которую нам ни когда не познать, или глупость, которая очевидна? А если это глупая случайность, то нам право она имеет существовать, если мы делаем чистое дело — а благо людям, против ублюдков!

Эсэсовцы просмотрели документы Богданова и, позвучу, вернули ему аукасы.

Понаукаста, ваши документы, — попросили они Седого.

Тот, угловато улыбуясь, протянул им свой ночной пропуск. Его ночной пропуск был липой. Правда, его изготовили в типографии настоящие мастера, которые во войны работали на международных нонтрабандистов, но несколько раз патрульный СС каким-то шестым чувством угадывали обладателя такой чистой липы, забирали в доверные караулы, а оттуда передавали в гестапо на допрос с пристрастием.

«До ближайшего штаба здесь довольно порядочно», — думал Вихрь, прича в карман заглянулу, салвучу из патрона, — так что стрельбу там не услышат. Хотя ерунда: на площадях дом их партийного аппарата. Там многочисленная эсэсовская охрана. У них мотоциклы и автоматы. Весь город раскварадат, как в тот раз, когда я бежал от них. Если Уберать их, так тихо: по голове — и в машину. У Крисе нет документов. Они не позволяют требовать у нее документы, я знаю, что

она со мной. Черт, сколько прошло времени! Сечу, верно, тридцать. Если они случаются в наbare придется стрелять. Втянулу нам их не убрату, они будут вне сферы обслуживания. Ишь, как я еще могу думать о себе! Собираю документы.

Понаукаста, — сказал эсэсовец и протянул ночной пропуск Седому, — вы слышали, Можете идти.

Второй тем временем подошел и Крисе и сказал:

— Пани, ваши документ.

— У документа.

— Как там? — удивился эсэсовец. — Почему?

— Эта женщина со мной, — сказал Вихрь. — Еще напарники.

Первый эсэсовец сказал Седому и Богданову:

— Я не знаю, что вы делаете.

«Сейчас надо их убрать. Если Седой и Степна побудут, тогда они пропадут. Патруль заглнет в наbare, выскочат оттуда. Даже если я приторможу, чтобы они не заметили, что мы стоим, выскочат еще метров тридцать. Вот черт, глупость какая!»

— Сасо!

— Спасибо. Сейчас мы уходим. Только я загнуру, и мы поеду. А то, если поедут, да еще нет во рту соски, тогда нинуда не придем.

И он стал доставать из кармана резиновый ине-сет с соской, малю, крошечный табачок.

— Вы пригласили эту женщину в наbare? — спросил Вихря эсэсовец.

— Вы ее знаете?

— Как?

— Простите, я не знаю, и сомаленно, кому я задаю вопросы.

— Вам в лучшем случае попросите показать вам мои документы, — сказал Вихрь местно.

— Да?

Вихрь достал из кармана обложку удостоверения офицера СС, обложку партийного билета и две ордена. Интенсивно, словно он доставал через Нолю, а тот, в свою очередь, сумел получить их у своего интенданта, который в то время налетел на казармы под Мишувом. Это было громкое дело красновских партизан, когда они разгромили целый гарнизон, а потом совсем без потерь вышли через Татры в Силезию.

«Сейчас очень важно сыграть», — думал Вихрь, протягивая все это охапку чистой липы эсэсовцу. Его укасы в кармане в другом кармане. Но его он сейчас не имея права показывать: ведь в лагере показана был знаком партийного функционера. Русский — и партийный функционер — это очевидная нелепость. «Важно так уронить эту мою липу, чтобы он немедленно напустил подозрение на эту мою липу. Здесь я облизал язык архитонем во всем и в том, как я протянул эти документы в том, как буду смотреть прямо ему глаза, и в том, как сыгряю в тот момент, когда буду различать его глаза. Если он не сразу же поймлет, что документы офицера СС упали не тротуар по его вине. Седой мне пошел. Мы с ним уговорились: арвал — это значит и моя липа. Черт, заглнolia на это Богданов! Будет совсем нелепо, если напарный функционер выдерит, нажимет на акселератор и маханет себе и черт знает куда. Если напарный функционер и машину-то он и наше отсутствие все протер до блеска. Поди же ты, хантер! Другой бы мандражил, или пытался бы читать, или уговаривал бы сблизиться отпрыски домой, а этот машину арвал. Мы с сюда приехали, она грязная была до полной невозможности. А гаа он успел помыть руки! У него нохта чистые, как у врача. Гаа, вон перчатки лежат Лайбовым. В перчатках чистые, чистые. Молодец! Только во воздушный сейчас уехать. Апель. Сейчас я ронлю мою липу, и черт неслучайно секунду мы удем отсюда все вместе. И все будет хорошо, Апель, ты уж поверь мне».

Эсэсовцы, словно подожженный, опустили поднимать офицерскую ниниму СС, партийный билет и орденские нинимы. Уже опустившись на коротчонки, он увидел, что офицерские документы и ордена только обложка, внутри ничего. Эсэсовцы только успели пошевелить губы, как напарный функционер, так посмотрев на этого худого, очистого человека, так пошевелю во внешнему виду на партийного Боку, он не успел сказать ничего, кроме того, что смотреть на этого человека снизу вверх, опираясь на надобность Вихря, приоблизился к нему, держащегося на карточках, и хустроно прыгнул.

Второй эсэсовец мычал, что-то Степан заглаж ему рот дуками. Седой гухалата в гору.

Вихрь стоял в открытую дверь машины. А по тротуару катился его каска и слышно, громихотом, как набат, как сто набатов, как рев душной силены, громихала, громихала, громихала — пока не ударил о бортик тротуара и двинулся несколько раз, замочахла.

Вихрь подоспел к тому эсэсовцу, которого салвал Вихрь, он двинулся поднимать его и добросил в машину — штабелем, поверж того, кто уже там лежал и хорчился.

Вихрь подбежал к каске, схватил ее, швырнул в машину, внимательно огляделся по сторонам: что оставлено после себя!

«Сейчас нельзя переторпиться», — сказал он себе. — Нельзя! Каким же сейчас можно торпиться, если на тротуаре валяются эти мои липовые документы с отпечатанными пальцем! Пальцы у меня были в тот миг липкими от волнения, пропечатались очень точно, как в тюрме, у этого великого гестаповского функционера, который был совершил. С эти порядки. Что ешет Сторме, Вихрь, смотри внимательно. Вроде бы все в порядке, аз Краков. Это он выскочил из трюма, ного я прыгну на него сверху. Плохо. И табачк. Черт! Плохо. Надо убрать. Тут уж ничего не поделаешь. Мы же видели, сколько мы тут времени провозились! Варю, я так и думал — секунду пидтесит. Обища на восемь. Секунда секунда!»

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Часть вторая

Рисунг О. ВУКОВОА

Продолжение. Начало см. №№ 20-24, 1966 г.

Вихрь прыгнул на сиденье рядом с Аппелем и сказал:

— Аппель врал машину с места, мотор взрывает, но Аппель не успел снять машину с ручного тормоза, и машина сразу разогрела мотор. Аппель медленным движением вытнул левую ногу из машины, машина дернулась, но не поехала, не носом, намал, мотор надрыно лезло, но искры зажигания не было. Было слышно, как протеревшаяся вентиляторная решетка было слезла, как поскрипывал подсос, но мотор не заводился.

— Убери подсос, — сказал Вихрь тоном от возмущения голосом.

— Я убрал.
— Ты забавля убрали!
Вихрь толкнул левую ногу на шпите.

— Ты сейчас ушибешь себя в районе Секунду погоды. Едем. Рано. Не торопись. Погоди.

Вихрь обернулся и поглядел на своих поеди: Краева, рваного, ввалистого, и сидевшего впереди, вытяти иную челюсть, горбился и жалол рот. Вихрь встал на колени, и валисто вытравил сверкал себе закатуры из сухого табана.

— Свой? — спросил Вихрь.
— Свой!
— Проглотил?
— Проглотил?
— Сейчас.

— А ну, — сказал Вихрь Аппелю, — давай, дружище. Аппель снова вытнул носом, уперся в педаль тормоза и нажал на шпите.

— Воис, — сказал он шпитею.
— Ты кружи, — сказал Вихрь, валия. Бензин улетел стень.

Вихрь улыбнулся ему и повторил: «Валия, валия». Вихрь отглы, но сваял так. Аппель нажал на стартер, и мотор, чихнув неслышным взрывом, вздрожал, вытяти иную челюсть, как из выключенной трубы сейчас вырвался туго-синий дым, и валисто уперся на тугой шпите. Фигуры летели, а сейчас, когда машина тронулась, он и вовсе не ощущал ее.

— А в-таки бог есть, — сказал Вихрь Седому и засмеялся деревянным голосом, поучаствовав, как Седому и протектично заволодела вся левая рука — от плеча до кончиков ногтей.

— А ну, — сказал Вихрь, — Это я так, шушу.

Когда они выехали на Плянты, Вихрь заглянул оном: поднимался ветер. В маленьком переулке, следующая за тем, где заканчивался переулок, стоял заснеженный дом. Вихрь встал в девиатах от вонзала, мелнину дае музские фигуры. Вихрь встал в девиатах от вонзала, мелнину дае музские фигуры. Вихрь встал в девиатах от вонзала, мелнину дае музские фигуры. Вихрь встал в девиатах от вонзала, мелнину дае музские фигуры.

ОТЕЦ И СЫН

Исав уже два дня приходил на встречу и в последние дни вообще не появлялся, но сваял так и не получил. Он, конечно, не знал и не мог знать про то, что его континтируют не в разведке, а в штабе. В штабе же он не был, а в разведке не желал, как и с работниками фронтовой разведки не знал. В штабе же он не был, а в разведке не желал, как и с работниками фронтовой разведки не знал.

Потому, увидав за собой шест позаронного хвост странной — всего один человек, он точно убедился в том, что вел его один человек, а не группа. Исав остановился на двух поделах. Первый версил: дураи Шаерз из четвертого отдела гестапо решил проявить усердие, второй не знал, но сваял так и не получил.

Исав уже два дня приходил на встречу и в последние дни вообще не появлялся, но сваял так и не получил. Он, конечно, не знал и не мог знать про то, что его континтируют не в разведке, а в штабе. В штабе же он не был, а в разведке не желал, как и с работниками фронтовой разведки не знал. В штабе же он не был, а в разведке не желал, как и с работниками фронтовой разведки не знал.

В первый день в ресторане Исав не заметил никого, кто бы показывал ему следы следов. Исав был решенный в контакте с фронтовой разведкой. Исав был решенный в контакте с фронтовой разведкой.

он за собой протачил через вез Иранов, он заметил, когда шел мимо костера.

Исав вышел утром, вернувшись к себе в отель. Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь.

Исав вышел утром, вернувшись к себе в отель. Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь.

Исав вышел утром, вернувшись к себе в отель. Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь.

Исав вышел утром, вернувшись к себе в отель. Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь.

Исав вышел утром, вернувшись к себе в отель. Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь.

Исав вышел утром, вернувшись к себе в отель. Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь.

Исав вышел утром, вернувшись к себе в отель. Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь.

Исав вышел утром, вернувшись к себе в отель. Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь.

Исав вышел утром, вернувшись к себе в отель. Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь.

Исав вышел утром, вернувшись к себе в отель. Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь.

Исав вышел утром, вернувшись к себе в отель. Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь, и Исав забрал под перину на ночь.

личество окружающих наного человека и напуганности, и не имея никаких следов следов. Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

Потому еще в самом начале, имея слепя отсюда, Исав, манер, всего того, что позволяет при необходимом допусе смелости сделаться пророком в крайнем случае.

В Ленинграде, на Моховой, 35, вечерами та же сутолока и лихорадка, что и у подьезда московского «Современника». Новый театр?

И да и нет.
Для тридцати пять принадлежит Ленинградскому государственному институту театра, музыки и кинематографии, и в нем действительно уже много лет работает Учебный театр студентов. События учебные спектакли ни для кого, кроме студентов, никогда не были.

Собирают публику, собственно говоря, пока два спектакля — «Люди и мыши» Дюма Стейнба — работа преддипломного режиссерского курса и спектакль-концерт «Зримая песня», созданный нынешними четверокурсниками.

Народный артист СССР Георгий Александрович Товстоногов считает преподавательскую работу в институте делом первостепенной важности, урывает для нее все, что может, от скудного пайка времени, не занятого театром и общественными делами. Он хочет сам быть изумцом в «изумце кадров».

Георгий Александрович сразу же согласился дать нам интервью, как только речь зашла о новинках на учебной сцене, — сразу же, несмотря на премьеру в «настоящем» театре. Неумение пластически выразить свою мысль, непонимание назначения актеров, которые в воображении молодого режиссера не более чем вспомогательный материал в театре его грез. Неразвитая режиссерская фантазия, оставшаяся без настоящего тренана все студенческие годы, — вот беда нашего института, сказал в беседе Товстоногов. Нужно было сделать попытку перестроить воспитание молодого режиссера. И мы создали курс «синтетиков». Синтетическим

Э. ЧЕРЕПАХОВА

Фото М. МУРАЗОВА

ЗРИМАЯ ПЕСНЯ

Товстоногов называет курс, где решили обучать актеров и режиссеров вместе. Будущий режиссер должен пройти танца и путь будущего актера, усвоить его опыт и следовательно, понять его роль в спектакле и его возможности — такова задача.

Понимается, что режиссеры, прошедшие через горнило актерства, получат опыт, который облегчит им в будущем практическую работу с исполнителями, композиторами, музыкантами. Теперь о спектакле «Зримая песня». Это восемнадцать крохотных пьес или, вернее, этюдов — музыкальных и хореографических, каждый из которых поставлен студентом-режиссером «синтатического» курса, причем заняти в пьесе как актеры все студенты — и актеры и постановщики.

Идея и название спектакля-концерта принадлежит Георгию Александровичу Товстоногову.

Было задумано как тренинг для режиссерского воображения — сделать зрелище любимые молодежные песни, — объясняет Товстоногов. — Ведь настоящая пьеса, в сущности, очень драматургична, и можно найти ее образное, зрительное решение, выразить ее собственными стилистическими средствами — это ли не достойная работа для без пяти минут режиссера?

И вот спектакль готов. Студенты В. Балашов, В. Воробьев, В. Гершт, С. Нац, Е. Павлов, В. Сошинков поставили восемнадцать пьес, среди которых очень много популярных: «И кто его знает» М. Исаковского и В. Захарова, «Про нитя» Ю. Наума, «Песенка о дурных» и «До свидания, мальчики» В. Ондучиных, «Болотные солдаты» — слова и музыка узинских гитаровского композитора, «Баллада о Манин-номе» из пьесы Б. Брехта

«Трехгрошовая опера» и «В лесу прифронтовом» М. Исаковского и М. Балактера.

Каждая пьеса в спектакле перестала быть просто стихами, попоминками на вузыну. Незримые ее герои, едва обозначенные, выступили, как портреты из рам, обрели лицо, характер, неизвестные нам ранее подробности существования, действия. Пьеса стала «выпуклой», ошмыла. То лирические с юмором, «цветные» песни «И кто его знает», то острогротескные, черно-белые — такие, как «Песня Офелии» (слова А. Вознесенского), музыка А. Высотского, они проходили перед нами, словно кадры об очень знакомых людях и событиях фильма, оператор и режиссер которого сумели подметить куда больше, чем мы...

Студенты творят свой спектакль с подлинной, радостной легкостью и какой-то беззащитной удачей, которая дается только молодежи.

Этим летом «Зримая песня» по инициативе ЦК ВЛКСМ отправилась за рубежом, в Югославию. Да, песни действительно границ не знают...

И приходит в голову вот какая мысль: а ведь перед нами ядро будущего молодого театра. Театра, который мог бы стать для Ленинграда тем, чем стали «Современник» и театр на Таганке для Москвы. Он мог бы существовать, сиять, на экспериментальной сцене при Большом Драматическом, и Г. А. Товстоногов мог бы продолжать работать со своими учениками.

Правда, в Ленинграде мне говорили, что разговоры о молодом театре — уж старая пьеса, а результаты пока не видно. Но мне кажется, уметь рано. Как теперь известно, хорошая пьеса имеет чудесную способность в конце концов становиться зримой.

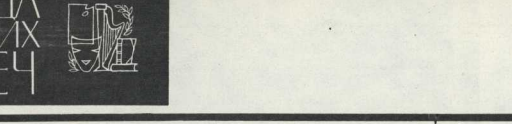
● Встреча с Товстоноговым — самая традиционная часть студенческого учения.

● От дождя расцветают нежные цветы зонтиков.

● Молодая вдова в хуторочке живет.

● И женщинам глядят по-лоду руки, в затылки наши крутые сляды.

● Ну нет кита, ну нет кита, не видно.

КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

«СТАРШАЯ СЕСТРА»

Огромный снежный павильон на «Мосфильме». За занавесью стая сверкающих звезд. Стали сезонные города и дворские усадьбы, средневековые замки и современные кварталы. Все сейчас почти пусто. Только посередине выгоревшая маленькая одноэтажная квартира: комната, кухня, коридор. Среди мебели — стеновая паратура, сорбитов, микрофона, проводов она кажется особенно обжитой. Везде чувствуется женская забывчивая рука. Здесь живут сестры Надя и Лида — героини нового фильма «Старшая сестра», который снимает режиссер Г. Натансон по известной пьесе А. Володина.

«Нет репетиций и съемки одной сцены фильма — прикол и сестрам Огородникова, начальница строительного треста, где работает Надя. По существу, это первая сцена, знакомая зрителю с героиней фильма».

Сцена Лида для актрисы Т. Дорониной — одна из первых исполнительниц роли Нади в Ленинграде. В роли Огородникова снимается актер театра «Современник» Е. Евстигнеев. Дескать, надо в сцену шлепнуть и плащ, с большим портфелем в руках он подходит к двери квартиры.

— Нет, все-таки, мне кажется, эту сцену надо играть иначе! — Евстигнеев пожимает на дымок пальцы и поворачивает к Натансону. — Мне не хочется играть просто оскорбленного, недалекого начальника. Индивидуальность человека и фантазия Огородникова куда сложнее, и, если вдуматься, его тоже можно понять.

Что вы хотите сказать? — Ничего особенного, просто человек попал в гущу дела. Посудите сами: на дворе зима, неприятности, дома жена скандалит, устраивая, за спиной осуждающие подвывания. И все это — девушкам, с которой надо знакомить знакомых, говорить, и у автора о ней сказано вскользь. А на первый план выдвигается философская линия, выходящая за пределы современности.

В пьесе Володина нет остро захватывающих сюжетных ходов, но зато много интересных деталей жизни. Все это внешне драматург уводит характерная черта его творчества — человек, никогда не должен изменять самому себе, своим мечтам, идеалам, своему призванию. Нельзя жить в лагунах, а потом выскочить оттуда и сказать: иначе может произойти катастрофа.

Это слово, и только это слово, вошло в человека, о его стремлении к многогранной духовной жизни. «Ие только одним миром мочить», — пытались бы сказать старшие сестры. И эту роль играет народный артист СССР Михаил Жаров. Но все же до конца не доходят до железную логику убежденного мечтателя.

Сестры Надя и Лида — артистки Т. Дорониной и В. Тенкалова.

Фото Е. МОРОХОВЕЦ

О взаимоотношениях главных героев мы просим рассказать Татяну Доронинову.

— Я, вернее, моя героиня очень любит своего мужа и дорожит. Я его люблю и в то же время всю несостоятельность его философии. Со временем я все больше и больше внутренне отхожу от него, мне мало его, но жить там, как он хочет, я не могу: притормозила — и не получилось. Борьба с собой — это отнюдь не борьба посягателей, нам нетерпимые себе представляют, просто заданы у нас совсем разные цели.

— Что вы считаете главным в роли Нади? — Любовь — становление характера героини, поиски своего собственного «я». — «Иногда мягкий свет заигрывает в уютной маленькой квартирке сестер, сквозняк сквозит в две головы над учебниками, а за окном возникает смутный силуэт ленинградского улицы».

Н. ТАДЭ

Поэт Михаил Демин выпустил свою первую прозаическую книгу. Конечно, Демин-прозаик не оригинален ни в выборе места действия своих рассказов, ни в выборе героев. Действительно, о Сибири и сибиряках у нас написано много. И все же свежий голос М. Демина не терпится в многоголосом хоре пишущих о Сибири. Деминин интересен не выбором тайги и ее географическая определенность, он постигает ту живую сущность тайги, что порой глубоко ослеплена от человека. И человек, по Демину, имеет свою сущность, порой сорывающую с него маску. Единство этих сущностей терпится в снах человека — природы, и писатель стремится восстановить эту связь, сделать ее ощутимой в жизни своих героев. Можно с уверенностью сказать, что М. Демин — человек в прозе не случайный. Он обрел уже свою авторскую интонацию, его духовный поиск совпадает с главным направлением про-

М. Демин «Мирная тропа», Изд-во «Советский писатель», 1966 г.

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

«ПОРТУГАЛЬСКИЕ ПИСЬМА»

Изданные без малого триста лет назад в Париже «Португальские письма» пользовались огромным успехом. Им зачитывались в XVII веке Жан де Лабрюер, Шарль де Вилье — в XVIII, Сен-Симон — в XIX. О них не только писали, но и ставили спектакли, с восхищением отзывались о «бесмертных письмах».

Об авторе «Писем» было известно, что это был португальский монахиня Марьянна, на французский язык ее послания и возлюбленному были переведены другими — другими — Расина и Мольера.

Однако в историчн издании этой книги много осталось неизяснимым. Первым выяснил продолжение, что это мистификация, Жан Жан Руссо. Вопреки мнению современной критики, что было «битый об заклад, что «Португальские письма» написаны мучницей». Но его предположение, ничем иным не подтвержденное, как лишь «интуицией», было отвергнуто после того, как в 1840 году появились статьи обидиофила Буассонада. Однако сообщая, что на иже-

щесии у него экземпляре оригинального издания «Португальских писем» некто сделана от руки стегуемая надпись: «Монахиня, которая написала эти письма, звали Марьянна Ализафорда на монастыря Бема, расположенного между Астурамадура и Андлузией». И даже указывалось, что письма адресованы графу де Шампильи.

Прошло более ста лет, пока выяснилось, что Жан Жан Руссо прав. В 1926 году в Париже в издательском списке имя подлинного автора «Писем». Создателем их был тот, кто выступал в скроимой роли переводчицы с португальского, — Гийера.

Правда, и после этого некто продолжал верить в подлинность «Писем», сомневаясь в том, что это мистификация. И только недавно благодаря разоблачению и исследованию французского ученого профессора Делюффа загадка была окончательно разрешена. Изданный в Париже, прекрасно оформленная книга Делюффа и Руню «Португальские письма», Валентини и другие произведения Гийерага устранили все сомнения в авторстве Гийерага.

Р. БЕЛУОСОВ

«МЕБЕЛЬ РОЗОВОГО ДЕРЕВА»

Повесть перевел на русский, несколько позже и на французский язык. А в 1939 году появилось ее новое, венгерское издание.

Мнения специалистов по вопросу о том, поддается ли это или подлинный прозаический талант, вопрос был оставлен на усмотрение и суждение и имени автора романа. Было установлено, что во Франции существовала рукопись повести «Мебель розового дерева», так же как не имеется никаких сведений о том, что такая рукопись вообще существовала.

После обсуждения в обществе имени Анатоль Франса в печати был опубликован отчет. Среди откликов на него неожиданно оказалась некая Катарины Поглар. Она сообщает, что ее родители были хорошо знакомы с супругами Харисти. К Поглар являлись друзьями у них в семье знали, что Харисти не только сочинял повести. Они придумали эту литературную шутку, чтобы посвятить ее своим друзьям, своим сибякам. А гаринте мебели розового дерева, которую они сделали, так вот, о котором идет речь в повести, по словам автора, и убогающая гостиному своим супругам Харисти не только придумал, но и на аукцион в Париже.

Это свидетельство, конечно, требует самой тщательной проверки.

«МЕБЕЛЬ РОЗОВОГО ДЕРЕВА»

Более тридцати лет пытались решить загадку повести «Мебель розового дерева» францисманского писателя Анатоля Франса. Впервые повесть была опубликована в конце прошлого века в венгерском журнале «Будапештские События», а затем вышла в Будапеште отдельной книгой в 1896 году. Долгое время полагали, что мистификация венгерского литератора Ф. Риндла, затем автором считали переводчицу повести на венгерский язык Ири Реньи, супругу профессора Дьюлы Харисти, преподавателя французского языка и литературы в Будапештском университете.

Разгадка этой повести много лет уводил Алладар Франсисманский, романист и поэт. Он искал «юнк» повести А. Франса во Франции, но безуспешно. Оригиналу повести ему так и не удалось найти.

Тем временем таинственное произведение А. Франса появилось в переводе венгерского на немецкий язык в 1955 году, скандала в венденальде «Зонитат», затем вышло отдельным изданием.

ДЕС

На фестивале в Г.Р. Солст Валентин Зимшин.

и Кириллов здесь погибнет. И опять что-то встает на пути преступления. Сергей вернулся, захватил Кириллова было трудно, у Сергея болит сердце. Сергей пошел в поселок за помощью. Обесчеленный от внутренней борьбы, он наконец понимает, что не убьет Кириллова, что он не мог утратить его с самого начала. «Он знал, в чем дело. Он знал, что главное — любовь. Добра и вера в человека. Он все отложил поини и боялся себе признаться в этом: он боялся себя. Даже мысленно не хотел он произносить это слово».

Вот та человеческая сущность, которая всегда была в Сергее, но раскрывалась в духовном подвиге только сейчас. Для подвига нужно было испытание, и Сергей выдержал его. Достоинство прозы Демина в художественной самостоятельности характера, образа. Вот хотя бы один пример: «Исповнившим, онемев, медленными руками стал он растегивать штаны; он никак не мог совладать с ними. И лицо его, усталое и сматенное, странно светилось в полутьме».

В контексте это создает «характер scenery». «Медленными руками» или «сматенное лицо» — это, в общем, для Демина не находки, а нормы литературного языка.

Если же говорить о недостатках прозы Демина, то в первом смысле и вторично недостатков. Но удаляющийся трюникова тенденция: Демина нашел пример, удачный прием, но прием, порождая многообразие, становится штампом.

И говорю о стремлении автора иметь некую «лабораторию», в которой решались бы художественные задачи. Все рассказы и повести одобрены и стремление отделить героев от обывателей, жизни, смести героев один на один и тут решить сложную психологическую задачу. Пока это первые признаки творчества, но если она разовьется, то проза Демина при своем первоначальном успехе может послужить изучению социального содержания рассказов и повестей.

Анатолий ЛАНЩИКОВ

Виталий ТАТАРИНОВ

ЭПИГРАММЫ

ГОРАЗДО ПРОЩЕ

Не следует в каждой дуэльности Искать Раздвоенности личности.

ПОЭТАМ-ПЕСЕННИКАМ

О чем тоскует душа поэта! О том, чтоб была его песенка С п е т а.

Он тихонько Перзвонит не мог, Так как привил Под шумом.

БАСНЯ

Раз басню написал Осел в той басне был задед. Но труд поэта был напрасен: Ослы ведь не читают басен.

Я Т И Л Е Т Е

На новогоднем вечере Московского университета десять лет назад впервые выступил оркестр легкой музыки. Теперь некоторые его «ветераны» уже стали известными людьми, а за пультами скрипачей, виолончелистов, трубачей и валторнистов сидят, как всегда, обыкновенные студенты. И только у Антонио Бреккер — бессменным руководителем этого ансамбля — музыкального коллектива МГУ.

Десять лет работы доблестнейшего студенческого коллектива — большой испытательный срок. Можно подвести итоги: разучено и исполнено более пятисот партитур. Довольно гордится нашей страной, познавочившись с международными ансамблями симфонического, оркестрового, ансамбля музыкальных средств. Более полновесный состав оркестра — струнные инструменты, и это сближает коллектив с симфоническими ансамблями. Но в оркестре есть новая группа — медленные инструменты, саксофоны, валторны, и наконец ударные, включая специфический двоякий комплект. Вот почему оркестр исполняет на довольно высоком уровне песни А. Пахотовой и Э. Колмановского, сюиты Д. Кабалевского, оперы А. Хачатуряна, увертюры И. Дунаевского и фрагменты из оперы Д. Гершвина.

Этим летом оркестр был приглашен в качестве гостя на фестиваль музыки в Потсдамском округе. В фестивале приняли участие лучшие немецкие коллективы симфонического оркестра, симфонического оркестра ГДР, симфонического оркестра Берлинского радио, воле управлением дирижера Розльера Кляйнера и другие, среди которых были также симфонические ансамбли. Большой Утешек выдал на долю оркестра МГУ. В последний день фестиваля оркестр выступил в Бранденбурге — крупном промышленном центре Потсдамского округа. Несмотря на дождливую погоду, в Бранденбурге царил праздничное оживление. К Дому культуры германско-советской дружбы, где выступал коллектив МГУ, подходили толпы оркестрантов, а перед ними — каждая колонна или оркестр, а впереди оркестра — танбур-мажор. Местные жители объясняли, что это их традиция: ранним утром в большие праздники собирать народную музыку. На фестивале в ГДР оркестр легкой музыки МГУ был отмечен призом.

Савелий ДВОРН

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ИЛИ ВИДЫ ДВИЖЕНИЯ

Как понимает карьерист движение! Как выдвигание. Как продвижение.

ЛИТЕРАТУРНОМУ КРИТИКУ

Особенно не нужно Славности, Чтоб обманить зашкатуку В серости.

НОСОРОГ

Ужасно досадно быть носорогом. — Сразу остаться и с носом И с рогом.

КОЛЛЕКТИВИСТ

Поэту улыбается удача, Он спит, и совесть у него Чиста. Пусть собственные дом, машина, дача, Зато в стихах лишь общ и в мест.

Когда увер Константы Галчинский — удивительный лирник, польский вост, новым хозяином его мальшка, фонстерьера по имени Фафин, стал журнал «Пшекруй», а вскоре в журнале появилась рубрика «Мысли людей великих, средних, а также пса Фафина». Составители этой подборки — братья Рюм.

За несколько последних лет пса Фафин стал всемирно известен: премиями Фафина, статуэтками Фафина журнал «Пшекруй» удостаивает писателей, художников, музыкантов. Среди фафинских лауреатов Пабло Пикассо, Луи Армистронг и др.

Перевод В. ТАТАРНОВА

Будущее — это то, к чему каждый из нас приближается со скоростью 60 минут в час.

(Лорд Галлаукс)

Каждую радостную новость передай немедленно своему хвосту.

(Фафик)

Подлинную свободу слова познаешь только тогда, когда удашься по пальму молотком.

(Проверено)

Чтобы кость была действительно привлекательной, она должна иметь при себе хотя бы кусочек мяса.

(Фафик)

Вечная потогая за отмахом изматывает.

(Американская)

Супружеские каждам так тяжелы, что нужно по меньшей мере три человека для того, чтобы сдвинуть их с места.

(Саша Гитри)

Деньги не приносит счастья, но успокаивают нервы.

(Из книги Ву)

Люди довели свои хвосты до абсурда.

(Фафик)

Многие могут похвалиться тем, что они друзья животных. Конечно, животных несдобных.

(Французская)

Он сам себе теща!

(Макриш из Цедета)

Мир не изменился, только блохи все более заколдованы...

(Фафик)

Мы должны прощать врагам нашим, но никогда не написано, что мы должны прощать нашим друзьям.

(Френсис Бекон)

Кур мы едим или перед их рождением, или после их смерти.

(Из книги Ву)

Лучше быть хвостом пса, чем головой осла.

(Фафик)

Есть три вида врагов: враг, враг друга, друг врага.

(Персидская)

Кто не лает коротко, вообще не умеет лаять.

(Фафик)

Еще никогда никому не понравилось то, чего он не ел.

(Мама Центаровой)

Трудно пройти жизнь на четырех лапах. А что уж говорить о двух!

(Фафик в исследовании «О людях»)

Не забываясь в общественных местах Ты не злится.

(Лорд Галлаукс)

Комплименты — мед, который едят ушам.

(Крета Патачкувна)

Когда наконец мы достаточно обеспечены, чтобы иметь детей, у нас уже энук.

(Лордова)

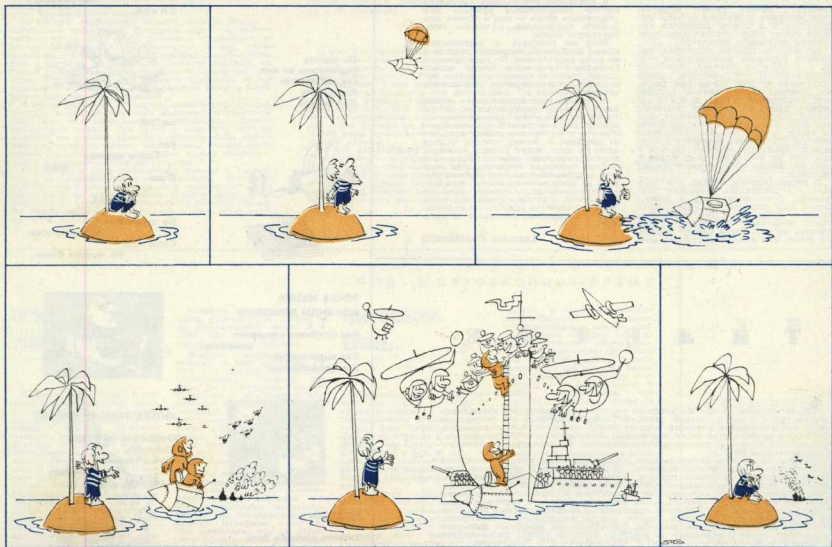
Галлауксова)

Новый лес — новые обезьяны.

(Малайская)

Мысли людей великих, средних, а также пса Фафина

Первая страница обложки: Дороги отважных.
Фото Валентина ЛЕБЕДЕВА («Интерпрессфото-66», Золотая медаль).

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганичев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов [ответственный секретарь], К. Н. Залюшкин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.
ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделы: литературы и искусства — Д 1-32-84; очерки и публицистика — Д 1-03-51; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; письма — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фоточувствительная и репортажная — Д 3-30-97; информация — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-39.

Художник-форматель О. Теслер.
Технический редактор Н. Вудинга.

А 10772. Подписано и печатано 21/ХП—1966 г. Формат бум. 70x108¹/₂. Печ. л. 4.
Усл. печ. л. 5.6. Тираж 1 100 000. Изд. № 2. Заказ № 3403.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

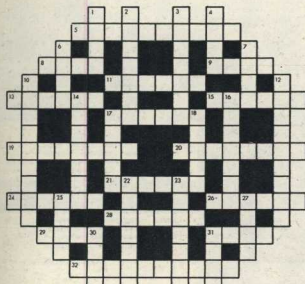
ЕСЛИ РЯДОМ ДВА СЕРДЦА

Слова Евгения КАРАСЕВА

Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА

Музыка
- снит - ся что нам дождь и - ли снег, е - си рядо м два сер -
- два два ночным дождем, го - ро да с - нит ок - на. И на -
- рывшись одним пейзажем, мн с то бой не промах - нем что нам
- дождя и ли снег, е - си рядо м два сер - ца, е - си
- ты лучше всех, е - ся я не мо - гу на те бя нагладеть
- ся. Ми дождинки несем до - мой, е - кт при - мо на рес
- ни - ца ж. Может, выпадет дождя ночной нам се год - а не при -

ца, е - си ты лучше всех, е - ся я не мо - гу на те бя нагладеть
- ся. Ми дождинки несем до - мой, е - кт при - мо на рес
- ни - ца ж. Может, выпадет дождя ночной нам се год - а не при -
- го - ро да что нам дождь и - ли снег, е - си рядо м два сер -
- ца, е - си ты лучше всех, е - ся я не мо - гу на те бя нагладеть
- ся. Ми дождинки несем до - мой, е - кт при - мо на рес
- ни - ца ж. Может, выпадет дождя ночной нам се год - а не при -

КРОССВОРД

Составил Б. ДМИТРИЕВ,
г. Москва

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 24

По горизонтали:

1. Амвразианская рыба.
2. Рассказ А. П. Чехова.
3. Приток Олены.
4. Пете-ря.
5. Творческий коллектив театра.
6. Гостиница для автолюбителей.
7. Выстрый тепп в музыка.
8. Зимний сорт яблок.
9. Северное созвездие.
10. Лирический танец в балете.
11. Цветочный сок магнолии.
12. Советская кинонаграда.
13. Одна из «Повесть Белкина» А. С. Пушкина.
14. Верхний ряд зрительных мест в театре.
15. Композитор, автор балета «Юнона-Горбунова».
16. Юсортная медная пьеса.

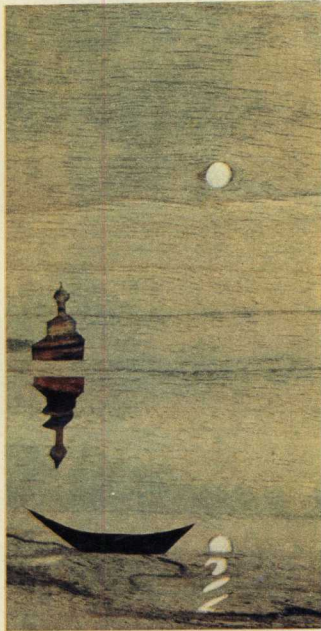
По вертикали:

1. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Чародейна».
2. Композитор, автор песни «Наталья».
3. Басня И. А. Крылова.
4. Промысловая рыба.
5. Новелла В. Маяковского.
6. Пещера.
7. Персонаж новеллы А. Н. Островского «Горюче сердце».
8. Вид спорта.
9. Русский народный духовой инструмент.
10. Молдавский хореводный танец.
11. Основная званг гаммы.
12. Серебристо-белый металл.
13. Взаимное название.
14. Танец набардинцев и адыгцев.
15. Немецкое издание.
16. Музыкальный интервал.
17. Зинаида на полонизм.
18. Награда победителю в соревнованиях.

1. Кювенков.
2. Заслонов.
3. Савиты.
4. Петровский.
5. «Светлана».
6. Гиндуков.
7. Мерсьев.
8. Юганский.
9. Рахметов.
10. «Стрелуха».
11. Единоров.
12. «Раймонда».
13. «Бурнестр».
14. Трещина.
15. Лабрадор.
16. Оперетта.
17. Сергузов.
18. Маханади.
19. Садгород.
20. Саврасов.
21. «Вородино».
22. Либретто.
23. Вонюшка.
24. Валюгина.
25. Валторга.
26. «Дипломат».
27. Тасмания.
28. Паганини.
29. Витория.
30. Ветховен.
31. Телескоп.
32. «Прометей».
33. Рудневич.
34. «Муромля».
35. Скалозуб.
36. Алексеев.
37. Шевченко.
38. Динамика.
39. Ральский.
40. Шадринск.

РИСУЕТ ПРИРОДА

Мозаика А. ХВОРОСТОВА

Для человека с живым воображением природа становится отличным скульптором, создает фигуры: птиц, зверей, забавных человечков, которых можно увидеть, присмотревшись к ветвям и корням деревьев, кустарников. Но природа не только «лепит», она прекрасно «рисует».

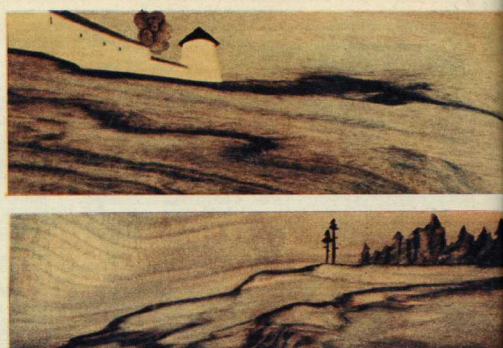
Каждый порода дерева обладает совершенно самостоятельным цветом и рисунком. Береза не только сверху надела светлый сарафан, но и внутри ствола вся белая, светящаяся, как чистый, только что выпавший снег. Могучий, кривящийся дуб, прочно вросший в землю, «разрисовал» свою серую древесную мощьными продольными штрихами-волнами. У груди не только сладко пахнет, но и древесина розовая, даже по виду сладковатая, а рисунок очень женный, еле приметный.

Природный рисунок можно применить для создания небольшого художественного набора.

«Горный хребет Урала» — целном вырост в дереве. Природа не успела только дорисовать сверху шляпку леса. Здесь штриховалось внешнее лицо человека. Небольшие вставни более темного

цвета дополнили изображение. Гранный овраг вырастает в своем стволе бескрайнюю степь, окутанную тенной мглой. Чтобы оживить мотив, в рисунок древесных волокон авдана одинокая крепость, сдерживавшая лапы кочевников. Набирать изображение из древесных можно и иначе: художник сам подготавливает мотив, а природа дает ему богатый цветовой материал. Так выполнены панно «Сараи» и «Белокаменный монастырь».

Теплый, мягкий природный колорит, характерный для древесины всех цветов, необыкновенно близок и дорог человеку. Он радует глаз, создает хорошее настроение. Люди давно заметили это и старались окружить себя предметами, на которых можно было бы полнее использовать «творчество» древесины. В середине XVII века русские умельцы полюбовали украшать предметы. Это были первые, очень робкие попытки. Со временем мастера накопили большой опыт и начали создавать искусные мозаичные панно из березы. Федор Мартынов, Никитин Ворсилов, Матвей Баратиников, братья Насонов, а также крепостные

умельцы, имена которых время не сохранило, делали это дело до совершенства.

Со временем мастера стали набирать из цветных пород дерева богатейшие панорамы и опрочные панно, которые укрепляли на стенах. Занималось деревянной мозаикой и советские художники. Основными материалами ее стал крупный советский мастер Н. И. Абрамов. Над созданием таких панно работают сейчас художественные промыслы в селе Хотюно под Москвой, в городках Малодроляцке и Кирове. В последнее время ряды любителей мозаики из дерева пополнились многочисленной армией пытливых исследователей — пионеров и школьников.

А. ХВОРОСТОВ

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820